ГЛОБАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ

4.2

4 выпуска в год на 14 языках

БЮЛЛЕТЕНЬ

International Sociological Association

Социология как призвание — **Дороти Смит, Герберт Ганс**

Между социологией и политикой — **Интервью с Николасом Линчем**

Восстание в Украине — **Владимир Паниотто, Владимир Ищенко**

Климатические изменения — **Юань Тсе Ли и Эндрю Вэй-Чи Ян, Герберт Досена**

Настоящая китайская революция — **Фэйчжоу Чжоу, Юнхун Чжан, Ин Син**

> Колониальный характер власти

> Из Чьяпаса: лицом к лицу с миром неравенства

> В сирийских тюрьмах

> Судьба иранских женщин

> Ян Щепаньский: наведение мостов

> Неолиберализация польского высшего образования

> Открытое письмо польских студентов

> Турецкая команда *«Глобального диалога»*

ТОМ 4 / ВЫПУСК 2 / ИЮНЬ 2014

http://isa-global-dialogue.net

ГА

> От редактора

Лицом к лицу с миром неравенства

Вы держите в руках последний выпуск *«Глобального диалога»*, который выходит перед июльским Всемирным конгрессом МСА в Йокогаме. На Конгресс планирует приехать рекордное число участников: 5 500 человек. Его тема — «Лицом к лицу с социальным неравенством» — стремительно превращается в одну из главных проблем этого века. Даже экономисты все активнее занимаются этой темой, которую некогда монополизировали социологи. Напомним, какой сенсацией стала книга Томаса Пикетти «Капитал в двадцать первом веке» (Capital in the Twenty-First Century).

В этом номере *«Глобального диалога»* речь также пойдет речь о неравенстве в мире, где мы живем. Юань Ли и Эндрю Ян показывают, как наше общее стремление к борьбе с глобальным потеплением становится предметом конфликтов, а Герберг Доцена в своей статье еще раз подтверждает наличие такой тенденции. Рассказывая о Конференции ООН по изменению климата, он описывает, как страны, обладающие большей властью — во главе с США, — навязывают свою волю остальным, умудряясь представить ее как волю общую и универсальную. И хотя многие акторы выражают недовольство принятыми решениями, для эффективного противостояния им не хватает силы и согласия. Мы еще раз увидим эту тенденцию в статье, посвященной колониальному характеру власти, который, как показывает Цезар Германа, лежит в основании многих форм глобального неравенства. Мы видим, как колониальность власти функционирует в Украине — о которой пишут Владимир Ищенко и Владимир Паниотто — где возрождение Холодной войны привело к расколу и нанесло непоправимый удар восстанию против правящих олигархов.

Одна из причин, по которым глобальное неравенство между странами не углубилось в той же степени, что и неравенство в рамках отдельных государств, заключается в возникновении полупериферийных стран, а именно Индии и Китая. Но какова цена вопроса? Китайские социологи Фэйчжоу Чжоу, Ин Син и Юнхун Чжан рассказывают о том, что происходит вдали от сверкающих башен Шанхая и Пекина. Они пишут о селах и деревнях, стремительно превращающихся в городские пространства, строящиеся за счет крестьян, которые, теряют свою землю, помогая обогащению элит. Как мы узнаем, крестьяне не сидят, сложа руки, однако шансы, что их протест увенчается успехом, довольно малы.

Под лозунгами «Хлеба, свободы, социальной справедливости!», три года назад египтяне избавились от диктатуры Мубарака. Поэкспериментировав с демократией, они вновь столкнулись с репрессивной машиной военных. Надежды Арабской весны разбиты: в Сирии бушует гражданская война, беженцы стремятся в Иорданию, Ливан, Турцию. Мы мало знаем о пытках, переживаемых заключенными в сирийских тюрьмах. О них рассказывает Абдулла Сеид. Но не все в регионе так печально. Социолог из Ирана, Ширин Ахмад-Ниа повествует о значительном улучшении положения женщин в стране за десятилетия, прошедшие с Исламской революции 1979 года. Оказывается, прогресс есть там, где его меньше всего ожидаешь увидеть.

А в это время Восточная Европа остается в тисках неолиберализма, который проникает теперь и в высшее образование. Последствия этого поворота описываются в статье сотрудников варшавской Лаборатории публичной социологии. Напоминая нам о совсем других временах, они рассказывают о Яне Щепаньском, бывшем президенте МСА (1966-1970), искренне верившем в «социализм с человеческим лицом» и боровшемся за него.

> *Глобальный Диалог* доступен на 14 языках: ISA website
> > Присылайте статьи на адрес: burawoy@berkeley.edu

Дороти Смит *рассказывает о том, как она стала феминисткой и разработала собственный социологический подход — институциональную этнографию*

Герберт Ганс, *известный американский социолог развивает свое представление о публичной социологии, ориентированной прежде всего на вопросы экологии будущего.*

Николас Линч, *перуанский социолог и политикп, как в течение своего жизненного пути он сочетал приверженность к опысной левой политике и профессиональную карьеру ученого.*

> Редакционный совет

Главный редактор: Майкл Буравой

Исполнительные редакторы: Лола Бусуттил, Август Бага.

Заместители редактора:
Маргарет Абрахам, Тина Айс, Ракель Соса, Дженнифер Платт, Роберт ван Крикен.

Редакторы-консультанты:
Изабела Барлинска, Луи Шовель, Дилек Чиндолу, Том Дуайер, Ян Фриц, Сари Ханафи, Хайме Хименес, Хабибуль Хондкер, Саймон Мападименг, Ишвар Моди, Никита Покровский, Эмма Порио, Йошимичи Сато, Винита Синха, Бенхамин Техерина, Чин-Чун И, Елена Здравомыслова.

Региональные редакторы

Арабский мир:
Сари Ханафи, Мунир Сайдани.
Бразилия:
Густаво Танигути, Хулиана Тонче, Селия Аррибас, Андреса Гальи, Рената Баррето Претурлан, Анжело Мартинс Младший, Лукас Амараль, Рафаэль де Суза.
Колумбия:
Мария Хосе Альварес Ривадулья, Себастьян Вильямисар Сантамария, Катерине Гайтан Сантамария, Андрес Кастро Араухо.
Индия:
Ишвар Моди, Раджив Гупта, Рашми Джайн, Удэй Сингх, Риту Сарасват, Нидхи Бансал, Джьоти Сидана.
Иран:
Рейханех Джавади, Сагхар Бозорги, Наджмех Тахери, Фаэзех Хаджезадех, Фаэзех Эсмаэли, Хамидреза Рафатнеджад.
Япония:
Кадзухиса Нисихара, Мари Сиба, Кускэ Химено, Томохиро Таками, Ютака Ивадатэ, Кадзухиро Икеда, Ю Фукуда, Мичико Самбе, Юко Хотта, Юскэ Косака, Ютака Маеда, Сюхэй Нака, Кивако Касэ, Миса Омори, Кадзухиро Кедзука.
Польша:
Миколай Мержеевски, Каролина Миколаевска, Кшиштоф Губаньски, Адам Мюллер, Патрыцья Пендраковска, Эмилия Худзиньска, Пржемислав Марцовски, Камиль Липинский, Кинга Якиела, Конрад Семашко, Зофия Пенза.
Румыния:
Косима Ругинис, Иляна-Чинзяна Сурду, Адриана Бондор, Рамона Кантараджу, Мириам Чиходариу, Иоана Картареску, Мадалин Рапан, Алина Стан, Михай Богдан Мариан, Даниэла Габа, Элена Тюдор.
Россия:
Елена Здравомыслова, Анна Кадникова, Елена Никифорова, Ася Воронкова.
Тайвань:
Чжин-Мао Хо.
Турция:
Айтюль Касаполу, Нилай Чабук Кайя, Гюннур Эртонг, Йонджа Одабаш, Зейнеп Байкаль, Гизем Гюнер.

Медиа-консультанты: Густаво Танигути, Хосе Регера.

Консультант редактора: Абигейл Эндрюс.

> В этом номере

От редактора: Лицом к лицу с миром неравенства **2**

Социология как призвание: Генеалогия институциональной этнографии
Дороти Смит, Канада **4**

Социология как призвание: Глядя в будущее
Герберт Ганс, США **6**

> ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА

Между социологией и политикой
Интервью с Николасом Линчем, Перу **8**

Колониальный характер власти
Сезар Германа, Перу **11**

Из Чьяпаса: Лицом к лицу с миром неравенства
Маркус Шульц, США **14**

> БЛИЖНИЙ ВОСТОК

В сирийской тюрьме
Абдулхай Сеид, Сирия **17**

Женщины Ирана: неоднозначный прогресс
Ширин Ахмад-Ниа, Иран **19**

> ВОССТАНИЕ В УКРАИНЕ

Евромайдан: профиль восстания
Владимир Паниотто, Украина **21**

Революция даже не началась
Владимир Ищенко, Украина **24**

> КЛИМАТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ

Трансформация паттернов человеческого развития?
Юань Тсе Ли и Эндрю Вэй-Чи Ян, Тайвань **26**

Наша судьба — в руках рынка
Герберт Досена, Филиппины **28**

> ПЕРЕМЕНЫ И ПРОТИВОСТОЯНИЕ В КИТАЕ

Драма и разрушения китайской урбанизации
Фэйчжоу Чжоу, Китай **32**

Захват земель и коррупция в Китае
Юнхун Чжан, Китай **34**

Каналы протеста вытесненных граждан
Ин Син, Китай **36**

> ПОЛЬША

Ян Щепаньский и наведение шатких мостов
Адам Мюллер, Камиль Липиньский, Миколай Мержеевский, Кшиштоф Губаньский и Каролина Миколаевска, Польша **38**

Неолиберальный захват высшего образования
Дариуш Емельняк и Каролина Миколаевска, Польша **40**

Открытое письмо о реформе образования
от Лаборатории публичной социологии, Варшавского университета и секции критической социологии Ягеллонского университета (Краков), Польша **42**

Турецкая команда *«Глобального диалога»* **44**

> Генеалогия институциональной этнографии

Дороти Смит, Университет Виктории, Канада

Дороти Смит.

Дороти Смит может считаться основательницей феминистской социологии, а также «институциональной этнографии», анализирующей повседневность в более широком «отношений власти» (relations of ruling). Она является автором многих классических работ, начиная с основополагающей статьи «Социология для женщин» и заканчивая такими монографиями, как «Повседневность как проблематика: феминистская социология» (1987), «Концептуальные практики власти: феминистская социология знания» (1990), и «Институциональная этнография: социология для людей» (2005). Она неоднократно удостаивалась наград Американской социологической ассоциации, а также Канадской ассоциации социологов и антропологов. Благодаря ее примеру теперь в МСА функционирует тематическая группа по Институциональной этнографии (ТГ06).

Мне нелегко писать о социологии как призвании, как о чем-то, что захватило меня и чему я посвятила всю свою интеллектуальную жизнь. Я стала профессиональным социологом по воле случая — или, скорее, в результате череды случайных событий. Непредвиденные обстоятельства касались моей личной жизни, а затем двух общественных движений, в деятельности которых я участвовала, и которые радикально изменили мое отношение к институциональной социологии.

Итак, случайности: в 1952 году я поступила в Лондонскую школу экономики, потому что невероятно устала от секретарской работы. Я подумала, что если закончу университет, то смогу найти работу поинтереснее. Я закончила бакалавриат по социальным наукам, потом вышла замуж за Билла Смита и поступила вместе с ним в докторантуру по социологии в Беркли в Калифорнии, хотя в Лондонской школе экономики специализировалась на социальной антропологии.

Опыт, полученный мной в Беркли, был на тот момент для меня чем-то из ряда вон выходящим. В ЛШЭ не было социологии как таковой. Социальные теоретики — Дюркгейм, Маркс, Вебер и другие — изучались и обсуждались; нам преподавали демографию, мы изучали генетические теории расы, нам рассказывали о практиках социальной философии, об этике; мы беседовали и спорили. В Беркли я испытала шок, поняв, что для получения приличной оценки по курсам мне следовало слепо принять взгляды преподавателя. Меня поразило отсутствие политических дебатов в университете — на дворе все еще была эра маккартизма.

Оглядываясь назад, я вижу, что в годы моего обучения в аспирантуре — с 1955 по 1963 — социология постепенно превращалась в отдельную профессионализованную дисциплину, оторванную от своего политически неоднозначного прошлого. Ее связи с наследием чикагской школы преднамеренно умалчивались, а в измененном (и продолжавшем меняться) политическом порядке, выраставшем из эры маккартизма, социологи в Беркли (да и в других местах) активно переделывали ее, задавливая воз-

>>

можные связи с социалистической политикой (которые все же смогли выжить в работах Райта Миллса). «Структура социального действия» Талкотта Парсонса оказала огромное влияние на создание социальной науки, в которой не было места ни Марксу, ни марксистскому образу мысли. Переконструирование социологии в этот период включало в себя ее концептуальную переделку: например, концепция социальной стратификации вытеснила концепцию класса а в контексте растущего доминирования бизнес корпораций, получила развитие пустая рациональность организационной теории (несомненно, готовая для последующего захвата ее представителями менеджмента).

Случайности: Билл, мой муж, ушел от нас одним ранним утром 1963 года. У нас было двое детей, на тот момент одному было лишь 9 месяцев. Теперь я должна была не просто заботиться о детях, но и стать главой семьи, ее кормилицей. Я поняла, что просто необходимо публиковаться. Мне всегда нравилось заниматься исследованиями и писать статьи, но мне не казалось, что публикации имеют хоть какое-то особое значение. А теперь мне нужно было меняться. Мне следовало стать профессионалом. И я им стала.

В 1968 году я начала работать в Университете Британской Колумбии в Канаде. Мы выбрали это место вместе с моим старшим сыном, которому тогда было 8 лет, рассмотрев несколько вариантов (в то время университеты стремительно росли), потому что, взглянув на карту Ванкувера, мы увидели, что в северной части полуострова (где, собственно, находился университет) не было дорог.

Случайности: через два года меня захватило движение канадизации. Канадизация в основном добилась успеха в таких областях как литература и история, но социологи в Канаде постепенно догоняли коллег. Мы поняли, что занимались преподаванием социологии, укорененной в реалиях США и — в незначительной степени — испытавшей на себе влияние Британии. Канадские социологи — особенные, независимые — существовали, но все мы занимались Социологией (с большой буквы), и эти авторам а ней не было места. Я постепенно осознала, что социология, которую я преподавала, была оторвана от общества, в котором я жила. Учеба в Беркли подготовила меня к работе легата Римской империи — наместника, воспроизводившего порядок Рима в провинции.

К этому моменту я уже получила канадское гражданство. В преподавании я пыталась понять канадское общество через призму знакомой мне социологии. Со времен учебы в Лондоне у меня остались воспоминания о чтении Маркса и Энгельса и о том, что приверженность социальной науке должна начинаться с интереса к реальным людям, их работе, условиям их жизни. Я перечитала Маркса. Я открыла для себя заново его критику идеологии как метод понимания социального процесса. Я поняла, что осознанная вовлеченность социолога в общество, в котором мы живем, радикально отличается от империализма, встроенного в установившиеся теории, концепции, методологию мейнстримной на тот момент социологии.

А потом появилось женское движение. Наступило время, когда за два или три года я стала совершенно другим человеком. Я совершенно по-новому взглянула на социологию, которую изучала в Беркли. Развитие социологии, в которой женщины были субъектами, стало для меня настоящей миссией, даже наваждением. Такой социологии просто не существовало. Ее необходимо было создавать в диалоге с теми, кому я преподавала и кто был готов ее принять и развивать далее. Мы не знали, куда нас заведут наши открытия, но мы загорелись целью узнавать и открывать.

То, что сейчас называется «институциональной этнографией», выросло из этого дискурса и продолжающегося диалога между открытиями наших исследований, разговорами и тем, что мы писали. Можно ли считать этот подход отдельным направлением социологии? Нет, если исходить из структуры социологической доксы, представленной в конвенциональных курсах по социологической теории и методологии, являющихся условием получения диплома. Методология ли это? Нет. Возможно, ее можно воспринимать как другую или альтернативную социологию, укорененную в реальном человеческом опыте, человеческих действиях и обращенной в исследованию того, как эти действия координируются отношениями, выходящими за пределы отдельных персонализированных ситуаций. Вот сфера моего интереса, которую я развиваю, в активном диалоге с другими институциональными этнографами. Открытия — это не призвание, это непрекращающаяся увлеченность и вовлеченность!

И все же социология предоставляет собой дискурсивное и институциональное пространство для развития институциональной этнографии (которая развивалась также в контексте других полей, подобных профессиональному уходу за больными). Современная социология более не обладает той степенью насаждаемой когерентности, которой меня обучали в Беркли. Те, кто стремится лучше понять общество, развивают ее в разнообразных направлениях. В рамках современной социологии я нахожу исследования и подходы, которые разделяют с институциональной этнографией такую цель как развитие знания, которое сможет помочь превратить индивидуальные человеческие чаяния и проблемы — как предложил Райт Миллс — в вопросы общественного значения.■

> Глядя в будущее

Герберт Ганс, Колумбийский университет, США

Герберт Ганс.

В течение 50 лет **Герберт Ганс** являлся одним из наиболее продуктивных и влиятельных социологов в США. В течение этого времени он был лидером в таких сферах как изучение городской бедности и политики по борьбе с бедностью, исследования равенства и стратификации, этничности и расы, новостных медиа и попкультуры. Он написал множество книг, в том числе такую классику как «Городские селяне» (1962), «Левиттаунеры» (1967), «Попкультура и высокая культура» (1974), «Что такое новости?» (1979), «Война с бедняками: низшие слои и политика борьбы с бедностью» (1995), а также недавнюю книгу «Размышляя об Америке-2033» (2008), представляющую оптимистический сценарий будущего. Как публичный социолог, он регулярно писал статьи в газеты и журналы, занимаясь социальным планированием, он активно участвовал в анализе государственной политики. Ганс был удостоен множества наград, был Президентом Американской социологической ассоциации.

США и другие страны с современной экономикой, переживает новую и, возможно, долгосрочную эру растущего экономического неравенства, которое может вылиться в неравенство политическое и классовое. Следовательно, социологи должны задаться вопросом: какую роль они и их дисциплина могут сыграть в понимании этих неравенств, в особенности общественных изменений и социальных затрат, которые эти изменения влекут за собой.

Однако, дисциплина в целом также должна стать более релевантной стране, и тем самым стать более видимой и ценимой. Хотя нынешний рост неравенств носит глобальный характер, разница в национальных политэкономиях и национальных социологиях подсказывает, что каждой стране необходимо найти свои собственные ответы на ряд вопросов — хотя, конечно, глобальные последствия и результаты также должны быть приняты во внимание. Одно из следствий — это попытка одного американского социолога предложить более детальный сценарий, или, если хотите, видение, того, каким образом должна развиваться американская социология.

В настоящее время проводится значительная работа по измерению неравенства, но социология должна с большим интересом отнестись к тому, как она влияет на американские институты и американское общество. Микросоциологические аспекты экономических, политических и социальных аспектов неравенства требуют большего внимания исследователей, чем они удостаивались до сих пор. Социологические исследования должны по возможности быть ориентированы на политику. От социологии нельзя ожидать прямого участия в разработке политики, так как это не входит в сферу компетенций многих социологов. Они, однако, могут проводить исследования, которые помогут найти ответы на вопросы, задаваемые политиками, лоббистами, правозащитниками, аналитиками и критиками государственной политики, интересующимися вопросами неравенства.

Так как экономисты и политологи все еще разбираются с вопросами, касающимися элит, социология должна интенсифицировать внимание к неэлитам. Дальнейшие исследования должны касаться наиболее уязвимых американцев, той части населения, чей доход ниже среднего, которое несомненно пострадает в большей степени, чем кто-либо иной, от растущего уровня неравенства. Среди них также те, кто хуже остальных репрезентирован в политических институтах и остается вне публичного дискурса. Именно они должны в первую оче-

>>

редь попасть в поле внимания социологов

Социологи не могут говорить от имени эти социальных групп, но могут обратить больше внимания на их проблемы. Исследования должны фокусироваться на социальных, эмоциональных и других издержках наиболее важных видов неравенства. Например, в течение нескольких десятилетий и в особенности последних нескольких лет, углубились тенденции нисходящей мобильности, фрустрации от прерванной восходящей мобильности и снизившихся экспектаций. Социологам уже давно следовало бы превратить процессы и последствия нисходящей мобильности в независимую и широкую сферу исследований.

Более того, социологам следует обратить больше внимания на долгосрочные эффекты крайней бедности, например, на гипотезу о том, что она может привести к посттравматическому стрессу, который может проявляться в течение нескольких поколений. В то же время исследователям необходимо понять, каким образом люди справляются, борются и противостоят нисходящей мобильности на разных уровнях бедности. При правильном дизайне такие исследования могут предоставить идеи для разнообразных мер государственной политики, способных улучшить ситуацию

Что еще более важно, внимание социологов к группам с доходом ниже среднего должно обращаться и к силам, институтам и агентам, играющим важную роль в сохранении статуса кво и дальнейшем обеднении этих слоев. Изучение тех, кто способствует углублению неравенства столько же важно, как изучение жертв вызываемых ими процессов.

Соответсвенно, социологи должны работать над тем, чтобы продемонстрировать социальную полезность дисциплины. Лучше всего этот эффект достигается при помощи демонстрации последних открытий и идей, релевантных темам, активно обсуждаемым в определенный момент времени, спорным вопросам и неоднозначным процессам. Хотя, конечно же, сказать легче, чем сделать, социологам необходимо меньше внимания уделять вопросу «заполнения лакун в литературе» и другим дисциплинарным стремлениям. Было бы неплохо, если бы появлялось меньше исследований, повторяющих то, что уже и так было сказано.

Социологам необходимо продолжить изучать темы, игнорируемые или остающиеся незамеченными в других социальных дисциплинах. Нужно больше внимания уделять исследованиям изнанки общества, его закулисья, того, что не интересует других исследователей или попросту от них скрыто

Социология должна по возможности отдавать приоритет эмпирическим исследованиям, как количественным, так и качественным. Дисциплина должна продолжить концентрироваться на сборе и анализе малых данных, в особенности при помощи этнографической полевой работы. Понимание общества через общение с людьми, группами и организациями, изучаемыми социологами, является нашим важным вкладом в формирование у американцев знания об их стране.

Дисциплина должна стремиться к инновационному, увлекательному теоретизированию, развивая фреймы и подходы, ставящие под сомнение конвенциональные аксиомы, такие как теория ярлыков (в прошлом), а также — в более недавний период — релятивистское и конструктивистское теоретизирование. Изменения, происходящие в стране под влиянием растущего неравенства, могут подстегнуть или даже потребовать по-новому взглянуть на американское общество.

Но превыше всего то, что социология должна больше работать над тем, чтобы достучаться до широкой публики, преподнося новые социологические идеи и открытия, представляющие для нее потенциальный интерес, на простом, не отяжеленном техническими терминами и оборотами языке. Преподавание среди бакалавров и школьников старших классов остается важнейшей задачей публичной социологии. Однако результаты эмпирических исследований должны быть доступны и широкой публике. Исследователи должны уметь не только писать, они должны быть всесторонне подготовлены к разговору на языке именно публичной социологии, даже если параллельно они владеют языком базовой и профессиональной социологии. В то же время социологи, работающие в рамках социологии публичной, должны иметь право претендовать на те же позиции, статусы и прочие награды, что и обычные исследователи-социологи.

Вышеописанное — сценарий, который представлен в моем воображении, но он написан в надежде, что другие предложат свои сценарии. Дисциплине необходимо размышлять о своем будущем сейчас, чтобы смочь правильно разобраться с ним тогда, когда оно станет настоящим.■

> Между социологией и политикой

Интервью с Николасом Линчем

Николас Линч.

Николас Линч — профессор социологии в Национальном университете Сан-Маркоса в Лиме, Перу. С 1998 по 2000 год он являлся президентом Перуанской коллегии социологов, с 2001 по 2002 — министром образования Перу, в 2002 — Советником Президента республики, а с 2011 по 2012 год — послом Перу в Аргентине. Обладатель степени доктора философии (PhD) по социологии Новой школы социальных исследований (Нью-Йорк), а также степени магистра Латиноамериканской школы социальных наук (Мехико), он был приглашенным профессором нескольких университетов США. Он опубликовал множество академических статей и несколько монографий, в том числе «Красная молодежь Сан-Маркоса», «Консервативный транзит», «Трагедия без героев», «Архаическое мышление в перуанском образовании», «Худшие в образовании», «Что значит быть левым?», а также «Демократический аргумент о Латинской Америке». В течение четырнадцати лет он вел колонку на политические темы в столичной газете La República. Он является редактором блога политического анализа Otra Mirada [“Другой взгляд”].

МБ: Для социолога Ваша карьера не совсем обычна — Вы работаете одновременно и внутри, и вне политики. Возможно, с этого и следовало бы начать: вы политик или социолог?

НЛ: Я социолог, не только по образованию, но и потому, что я люблю социологию. Я социолог, которому нравится политика. Но факт остается фактом — я родился в стране, где социальные изменения — вопрос жизни и смерти, поэтому с подросткового возраста я занимаюсь политикой.

МБ: Интересно. Макс Вебер стремился к занятиям политикой, но он рассматривал социологию как науку, отдельную от политики. Очевидно, этого нельзя сказать о Вас. Я прав?

НЛ: Для меня социология — это наука, но наука социальная, общественная, и мы социальные акторы, и также являемся частью мира, который исследуем. Такие социологи, как Ален Турен, который очень влиятелен в Латинской Америке, выделяют эту «социологию актора», и, мне кажется, он прав на этот счет. С самого начала мои социологические исследования были связаны с моей политической жизнью. В большинстве моих книг эта связь нашла выражение.

МБ: А теперь давайте поговорим о Вашей самой недавней политической деятельности. Вы были послом Перу в Аргентине. Как так получилось?

НЛ: В конце 2009 года по приглашению нескольких друзей я присоединился к избирательной кампании Президента Умалы. Они уже участвовали в выборах 2006 года, на которых Умала занял второе место после чрезвычайно успешной кампании. Я пытался сопротивляться искушению работать с тем, кто называл себя левым националистом, будучи одновременно отставным офицером, участвовавшим в «грязной войне» против Sendero Luminoso («Сияющий путь»). Но неутешительные результаты левых социалистов на предыдущих выборах, подтолкнули меня и моих друзей к тому, чтобы присоединиться к кампании Умалы. Оглядываясь назад, я хочу сказать, что мои изначальный инстинкт был верным, но мне также кажется, что с самого начала нас обманывали. Президенту и его жене хотелось захватить как можно большую власть, и это все, что их на самом деле интересовало.

МБ: Значит, чтобы отплатить Вам за Вашу поддержку, Президент Умала предложил Вам пост посла в Аргентине? А как он представлял себе Вашу деятельность в Буэнос-Айресе? Что от Вас требовалось?

НЛ: Меня отправили в Аргетину, чтобы добиться нескольких политических целей. У Перу сложились не очень хорошие отношения с Аргентиной, потому что правительство, которое было до Умалы (партия Апра, возглавляемая Аланом Гарсиа), испытывало неприязнь к аргентинским властям из-за их прогрессивных политических позиций. Президент дал мне задание улучшить взаимоотношения, и я это сделал. Это было особенно важно в контексте южноамериканской интеграции и Союза южноамериканских наций. Ума-

>>

ла дал мне задание — добиться того, чтобы наша страна была нанесена на карту интеграции. Это и было в фокусе моей работы.

МБ: В чем заключались трудности — и радости — этой работы?

НЛ: Во-первых, жизнь в Буэнос-Айресе, особенно культурная и интеллектуальная, кажется, самая богатая в Латинской Америке. Аргентина переживала важные процессы социальных и политических изменений, что было особенно интересно в свете ее сильной политической традиции. Аргентинцы добились невероятных успехов в плане перераспределения богатства, в вопросах прав человека и политической независимости от мировых держав. В сравнении с другими странами Латинской Америки в Аргентине — самый высокий уровень формальной занятости с соблюдением прав работника. Что необычно для Латинской Америки, за решетку попали 200 военных, принимавших участие в репрессиях 70х годов. В результате таких изменений аргентинцы развили сильное чувство гражданственности, на уровне, невиданном в какой-либо иной части региона.

МБ: Но все это довольно неожиданно закончилось, не так ли? Вы потеряли работу?

НЛ: Дело в том, что правительство Умалы, избранное на основании левой платформы (при моем участии), начало склоняться все дальше и дальше в правую сторону. Конечно, это случилось не в одночасье, процесс был достаточно длительным. Сначала он изгнал прогрессивное крыло из кабинета, затем разорвал связи с левыми конгрессменами, и наконец со всеми, кто был как-то связан с его первоначальными прогрессивными действиями. Вместо того, чтобы противостоять давлению со стороны перуанских правых, он решил отказаться от своих реформаторских целей и продолжить неолиберальный курс двух предыдущих десятилетий. Правительство стремительно «правело», а новые соратники президента пожелали избавиться от меня и подготовили ловушку. Возможно, я ошибся, и не было нужды уходить в отставку. Но сложно разобраться, как действовать правильно, когда оказываешься в такой непростой политической ситуации.

МБ: А в чем заключалась ловушка?

НЛ: В конце января 2012 года, когда я находился в посольстве Перу в Буэнос-Айресе, я получил письмо от группы перуанцев, проводивших кампанию за легализацию Мовадеф, политического фронта террористической организации «Сияющий путь», стремившейся к амнистии своих лидеров, попавших в тюрьму за ряд преступлений. Через десять месяцев, в начале ноября, на основании этого письма правая перуанская газета осудила меня за то, что я, якобы, симпатизировал Мовадефу и потребовала моей отставки. Правительство не вступилось за меня, не предприняло никакого расследования. В правительстве настолько опасались нападок правых, что попросили меня уйти в отставку. Конечно, у меня не было никаких отношений ни с Мовадефом, ни с «Сияющим путем». Более того. В 1982 году «Сияющий путь» прислал мне письмо, в котором звучали угрозы расправы! Примерно в то же время они убили нескольких моих друзей. Это террористы, которые никогда не в состоянии критически относиться к своим действиям. Хотя все обвинения были ложными, правые группировки как в правительстве, так и за его пределами, были достаточно сильны, чтобы добиться моего ухода из правительства.

МБ: Теперь понятно, насколько рискованно заниматься политикой в Перу! Но Вы не впервые состояли в правительстве. В 2001 году Вы занимали пост министра образования в правительстве Толедо, стремившемся к восстановлению демократии в Перу. Расскажите поподробнее об этом.

НЛ: Это было результатом борьбы с диктатурой Фухимори. Я был членом Демократического форума, гражданской организации, которая входила в коалицию, боровшуюся за ниспровержение режима. Толедо, центрист с либеральным прошлым, на тот момент был надеждой новой начало перуанской демократии. Он сформировал первый кабинет с людьми разнообразного происхождения и политических взглядов.

Моей целью было проведение реформ, которые могли бы улучшить систему образования, на тот момент худшую в регионе. У нее был крайне низкий бюджет, и соответственно не самые лучшие результаты. Мне пришлось бороться с двумя врагами: Всемирным банком и маоистским профсоюзом учителей. Первые, конечно же, хотели все приватизировать, а вторые стремились к гарантии занятости любой ценой, блокируя какую-либо оценку деятельности своих членов. Нам удалось сделать так, что реформа оказалась частью политической программы, но Толедо не смог противостоять давлению этих людей, предпочтя избавиться от меня и моей команды.

МБ: Оказывается, политика — опасное дело. Особенно учитывая то, что Вы не отказывались от своих левых взглядов! В таком контексте дает ли Вам социология точку опоры? Утешает ли она Вас перед лицом неопределенности? Добавляет ли что-то Вашим политическим взглядам? И вообще, можно ли сказать, что социология — тоже политика?

НЛ: Это не просто утешение. Социология помогла мне понять перуанское общество и место, занимаемое Перу в регионе и в мире. Так, например. социология помогла мне понять, что проблемы перуанского образования являются по своему характеру идеологическими и политическими, а не техническими, как нас пытались убедить международные организации. Социология снабдила меня инструментами для понимания того, что качество образования — это не просто вопрос хороших оценок, оно предполагает коллективное осознания своего места в мире, осознание чувства принадлежности чему-то.

Я так и не ушел из науки. Уже 34 года я преподаю социологию в Университете Сан-Маркоса, старейшем и самом известном в стране. В течение этого времени я успел принять участие в девяти крупных исследовательских проектах. В результате было опубликовано несколько книг, некоторые из которых были, конечно, важнее других, одни были более политическими, другие — более социологическими по содержанию.

МБ: Лишь малая толика Ваших книг была переведена. Может быть, Вы могли бы рассказать нам вкратце о сути этих исследовательских проектов, о паре проектов, которые Вы считаете наиболее важными, и по-

>>

казать, какова их связь с политикой?

НЛ: Должен сказать, что отсутствие англоязычных переводов моих книг объясняется тем, что у меня довольно сложные взаимоотношения с американской академией. Например, возьмем мои работы о популизме. Я написал текст о популизме в Латинской Америке 90х, пытаясь объяснить, почему популистского неолиберализма не существовало, что это своего рода внутренне противоречивое понятие и логическая несообразность. Я написал, что исторически сложилось, что популизм был полезен региону и демократии. После того, как я опубликовал текст на испанском, я отослал его в известный «компаративистский» американский журнал. Через несколько месяцев я получил развернутый комментарий, суть которого заключалась в том, что я не имею понятия о сущности популизма. Хорошо, подумал я, они несогласны. Но проблема в том, что они выпустили статью с критикой моей статьи, процитировав испанскую версию! Выходит, моя статья была недостаточно хороша, чтобы ее опубликовать, но вполне подходит для критики! Я неоднократно получал такие комментарии — если ты не согласен, значит, ты просто ничего не понимаешь.

Моя последняя книга рассказывает о разных подходах к латиноамериканской демократии в теории и на практике. Я пытаюсь объяснить, как новые прогрессивные правительства в регионе — от Уго Чавеса до Лулы, Корреа, Эво Моралеса и Кирхнеров — пытались разработать новый тип демократии, продвигая идеи перераспределения, социальной справедливости и партиципаторности. Цель этой книги — показать другой взгляд на демократические режимы, взгляд, отличающийся от доминантного, выросший из дискурса о транзите и консолидации.

МБ: А на данный момент Ваша социология каким-то образом затрагивает спорные политические моменты?

НЛ: Несомненно! Например, уже несколько месяцев в Перу разворачивается дебат о среднем классе. Неолибералы и люди, занимающиеся опросами, заявляют, что 70 процентов перуанцев относятся к среднему классу. Они используют довольно странную таблицу распределения дохода. Вместе с несколькими друзьями мы пишем о социальной структуре, классе, классовой борьбе — опять после стольких лет — чтобы показать, что эксперты заблуждаются как в теории, так и на практике, а также что у социологов более четкое и нюансированное понимание этих вопросов.

МБ: Вы закончили аспирантуру по социологии в США и периодически туда возвращались. Более того, мы впервые встретились именно там — в Университете Висконсина. Чем же занимается левый из Перу в Штатах?

НЛ: Я окончил магистратуру в Мексике, объехал Латинскую Америку и Европу с разнообразными академическими целями. В Америке, как и в любой стране, есть множество разных мест, где можно учиться. В конце концов в 80х я поступил в аспирантуру Новой школы социальных исследований. Это очень хороший прогрессивный университет. Меня приглашали читать лекции и в других университетах — например, в Мэдисон (Висконсин). Мне кажется, следует способствовать диалогу и контактам по всей Америке. Неважно, что у нас есть разногласия, мы просто должны стремиться к пониманию.

МБ: Нет ли чего-то такого в Вашей биографии, может быть, в начальном образовании или в семье, что подталкивало Вас сразу в двух направлениях — как в политику, так и в социологию?

НЛ: Многим кажется, что я белая ворона на перуанской политической арене. Я выходец из высшего среднего класса, у меня нет местных этнических корней, и я, как мне кажется, получил хорошее образование. Возможно, к такой двойной жизни социолога и политика меня привела ужасная реальность непреходящего социального неравенства в Перу. Но я счастлив, что одновременно занимаюсь социологией и политикой. Как я сказал, они друг друга только дополняют. Сожалений я не испытываю.

МБ: Теперь, когда Вы уже не в правительстве, чему Вы посвящаете свое время? Связывает ли Вас что-нибудь с политикой? Пишете ли Вы стать, книги?

НЛ: Да, я занимаюсь политикой. Я член левой коалиции, чьи представительства есть практически в каждом регионе Перу. У нас хорошие шансы на грядущих региональных выборах в 2014 году. У меня также есть веб сайт, который я веду вместе с группой друзей — это онлайн платформа политического анализа. Мы рассылаем страницу с анализом новостей почти на 15 000 адресов ежедневно, у нас есть радио программа, мы пишем статьи, в которых анализируем государственную политику. Как я уже сказал, я продолжаю преподавать в Университете Сан-Маркоса, заканчиваю книгу, которая представляет собой большое политическое эссе об основаниях и будущем Перуанской республики.

МБ: Мне кажется, Вам бы позавидовал сам Макс Вебер: Вы чувствуете себя, как дома, и в политике, и в социологии, переплетаете их, но при этом не путаете одно с другим. Большое спасибо за это великолепное интервью!

> Колониальный характер власти

Взгляд из Перу

Сезар Германа, Главный национальный университет Сан-Маркоса, Лима, Перу

Перуанский социолог Анибал Кихано — пророек колониализма.

Существует достаточно свидетельств того, что мы переживаем период, в который модель современной колониальной власти, доминировавшая в мире в течение пяти сотен лет, столкнулась со структурным кризисом. Кризис охватил все основания властной структуры. Трудности возникают во всех компонентах и на всех уровнях — в гендерных, трудовых, интерсубъективных отношениях и в отношениях с природой. Они не могут быть разрешены в рамках нынешней исторической системы. Требуется создание новых форм социального сосуществования.

Особенно важен кризис интерсубъективных структур — говоря конкретно, способов получения знания в социальных науках. Начиная с 1970х годов, мы наблюдаем целый комлекс трансформаций в социальных науках, свидетельствующий о том, что они — с необходимостью — проходят через процесс реорганизации. Доклад Комиссии Гулбенкяна, наверное, представляет собой наиболее глубокий анализ глубинных изменений, происходящих в социальной мысли во второй половине двадцатого века (Wallerstein, 1997). Доклад описывает, каким образом евроцентристские структуры знания разрушаются как в странах центра, так и на периферии, и каким образом возникают научные школы, цель которых заключается в развитии альтернативных форм понимания социальной и исторической реальности.

Я считаю евроцентризм структурой знания, которая обеспечивает и поддерживает современную колониальную модель власти. Он соответствует определенному способу восприятия и организации природного и социального мира. Он стоит на трех китах, трех основополагающих положениях.

Во-первых, это вера в упрощение. Как утверждал Декарт, для понимания сложных процессов необходимо разделить их на как можно большее количество частей, чтобы изучить каждую в отдельности. Таким образом, «понятным» становится то, что подвергнуто упрощению. Эта точка зрения способствует ра-

>>

стущему обособлению, специализации знания, что выражается в возникновении дисциплин как интеллектуальных категорий, каждая из которых обладает своим объектом и методологией. Дисциплины развивают институциональные категории, которые ложатся в основу департаментов и факультетов, формируя организационную структуру современных университетов.

Второй основополагающий принцип евроцентристского знания — вера в стабильность социальной и природной систем. Такое восприятие рассматривает реальность как упорядоченный мир, функционирующий на основе простых и познаваемых законов. Предполагается, что знание позволяет нам предсказать, что произойдет, и что, следовательно, мы можем контролировать не только природный, но и социальный мир. Эта концепция приводит к детерминизму и идее обратимости, иными словами, к положению о том, что события повторяемы. Следовательно, отрицается история как креативный, творческий процесс.

Третий основополагающий принцип — это вера в объективность, то есть убеждение в том, что существует возможность познания объективной реальности, не зависимого от субъекта. Следствие этого положения — идея о том, что знание свободно от ценностей и оценочных суждений.

В современной колониальной модели власти евроцентризм навязывается как единственная легитимная форма знания. Таким образом структуры знания колонизованных народов маргинализуются, подчиняются или даже уничтожаются вовсе. Знание, которое развивалось этими народами в течение тысячелетий и служило основанием их особых форм социального существования, жестоко подавляется, отодвигается из поля зрения, так, что даже его носители стремятся избавиться от него как неполноценного.

На периферии современной колониальной модели власти возникли течения мысли, радикально переосмысляющие евроцентристские структуры знания. Важнейший вклад в эту точку зрения вносят постколониальные исследования, исследования угнетенных (субалтерн), а также работы африканских интеллектуалов. В рамках данных течений аналитический подход, связанный с «колониальностью и деколонизацией власти» представляет собой одну из наиболее перспективных альтернатив евроцентристскому знанию, способ понимания тенденций современного мира, а также размышления о потенциальном развитии в будущем. Семинар «Вопросы дис-колониальности и глобальный кризис», организованный Анибалом Кихано в Лиме в августе 2011 года, без сомнения представляет собой кульминацию более ранних дебатов и отправную точку теории колониального характера власти.

Анализ колониальности и деколонизации власти предлагает особый взгляд на знание — как способ восприятия реальности, генерирования вопросов, организации ответов в отношении социальной жизни человека — помогающий нам вновь поставить на повестку дня вопросы, которые игнорировались евроцентристским мышлением. Этот подход возник как вызов евроцентристским формам производства знания, так как ставит под вопрос сами основания гегемонных структур знания в современной-колониальной капиталистической системе. Цель этой статьи — проанализировать эпистемологические и теоретические основания и возможности, присущие этому альтернативному взгляду на знание. Я рассмотрю ниже наиболее важные направления анализа, которые вносят вклад в реорганизацию социальной теории.

Опираясь на инновационные теории Анибала Кихано, я утверждаю, что европейское завоевание в 1492 году того, что позже назовут Америкой, способствовало возникновению sui generis модели власти, в основе которой лежит колониальность и современность. С одной стороны, эта модель имеет колониальный характер. Властные отношения, устанавленные в ходе завоевания, переплетались с идеей «расы» как базовой социальной классификацией человека. Иными словами, завоеватели мыслили себя людьми высшего сорта, самоидентифицировались как «белые», рассматривали завоеванных как низших, идентифицировали их как «индейцев» и «черных». Натурализируя социальные отношения, концепция «расы» легитимизировала господство и эксплуатацию местного населения и африканских рабов и стала неотъемлемой частью модели власти, даже после того, как колонии обрели независимость от Испании и Португалии. Расовая теория гарантировала, что и доминирующие, и доминируемые принимали доминирование как естественное явление. В то же время модернити стала оборотной стороной колониальности, в том смысле, что в ходе модернизации происходила активная рационализация социальной жизни, и ее главным индикатором был научно-технический прогресс.

Эпистемологическая деколонизация предполагает, что необходимо подвергнуть сомнению основания, на которых выстраиваются евроцентристские структуры знания, и предложить альтернативные интерпретации, которые могут оказаться более продуктивными для развития систематического понимания социального мира и для разработки более реалистичных опций для более эгалитарного и демократического будущего. Я предлагаю пять модусов критики аксиом евроцентристского порядка производства знания о социальной жизни, то есть пять альтернативных интерпретаций, вырастающих из анализа колониальности и деколонизации власти.

1. Критика положения о том, что государство представляет собой аналитическую рамку для понимания социальной жизни. Государственные структуры не могут рассматриваться как границы, в рамках которых определяются социальные отношения. Следовательно, необходимо принять за единицу анализа глобальную, современную колониальную модель власти, возникшую в 16 веке в ходе европейского завоевания того, что стало Америкой.

2. Критический анализ понятия колониальная власть, выяв-

>>

ление отношений господства и эксплуатации, установившиеся между колонизаторами и колонизируемыми. Таким образом, мы не только анализируем экономическую, юридическую и политическую эксплуатацию и господство, но также и то, каким образом в рамках современной колониальной системы эти отношения власти переплетаются с символическим и легитимирующим набором представлений, охватываемых понятием «раса». Таким образом, расовый характер властных отношений составляет глобальную, капиталистическую, евроцентристскую модель власти

3. Критика эпистемологии упрощения, а именно положения о том, что путь к пониманию сложных процессов предполагает разделение их на максимально возможное количество деталей для того, которые необходимо изучать по отдельности. Анализ колониального характера власти продвигает понимание глобальной современной колониальной модели власти как исторической тотальности. Иными словами, власть рассматривается как сложная система тесно переплетенных гетерогенных элементов, возникшая в шестнадцатом веке и разросшаяся до системы мирового контроля в девятнадцатом — система, которая в настоящее время переживает период бифуркации или структурного кризиса. С этой точки зрения, произвольное разделение на политическую, экономическую и социокультурную сферы оказывается непродуктивным. Напротив, мы должны рассматривать их как моменты в тотальном, целостном историческом процессе. Более того, в соответствии с этой альтернативной гипотезой разделение социального знания на дисциплины, уходящее корнями в историческое устройство социальных наук в Европе в 19 веке, не имеет какого-либо эпистемологического основания. Напротив, единственная осмысленная специализация — это специализация, выстраиваемая вокруг конкретных проблем или областей изучения.

4. Критика разделения объекта и субъекта знания. Мы ставим под сомнение как объективизм (который выносит за скобки субъект), так и субъективизм (который выносит за скобки объект), так как обе перспективы препятствуют полному пониманию реальности — и в особенности социальной реальности. Иными словами, необходимо признать, что объективная реальность существует за пределами субъекта, но субъект вторгается в производство знания таким образом, что измеряющий модифицирует то, что измеряется. Таким образом, знание предстает в качестве интерсубъективного продукта, понимается в терминах интерсубъективных структур и эпистемологических правил — социальных правил — устанавливающих истину.

5. Критика разделения научного и гуманитарного знания. Если научное знание занимается исключительно поиском истины с помощью эмпирических процедур, а гуманистическое знание обсуждает этические и эстетические ценности, перспектива анализа колониальной власти подчеркивает, что процесс производства знания, является одновременно истинным, приносящим благо и прекрасным. Мы стремимся к тому, чтобы мир, расколдованный и рационализированный современностью и колониальностью, вновь погрузился в волшебство.

Итак, здесь представлен перспективный подход к знанию, который может быть развит в разнообразных направлениях и превращен в более разработанные общие, а также специальные теории. Общие теории охватывают наиболее широкую арену глобальной модели власти, анализируют ее кризис, а также исторические альтернативы, способные придти ей на смену; специальные теории исследуют конкретные моменты этой исторически сложившейся модели власти.■

Литература

Escobar, A. (2003) “Mundos y conocimientos de otro modo: El programa de investigación de modernidad/colonialidad latinoamericano.” Tabula Rasa 1: 51-86.

Mignolo, W. (2003) Historias locales/diseños globales: Colonialidad, conocimientos subalternos y pensamiento fronterizo. Madrid: Akal.

Pachón Soto, D. (2007) “Nueva perspectiva filosófica en América Latina: el grupo Modernidad/Colonialidad.” Peripecias 63.

Quijano, A. and Wallerstein I. (1992. “Americanity as a Concept or the Americas in the Modern World-System.” International Journal of Social Sciences 134, UNESCO: 617-627.

Quijano, A. (1991) “Colonialidad y modernidad/racionalidad.” Revista del Instituto Indigenista Peruano 13.29: 11-20.

_____. (1993) “Raza, etnia y nación en Mariátegui: cuestiones abiertas.” In: Aníbal Quijano et al. (eds.) José Carlos Mariátegui y Europa: El otro aspecto del descubrimiento. Lima: Amauta: 167-188.

_____. (2000a) “Colonialidad del poder, eurocentrismo y América Latina.” In: Edgardo Lander (ed.), Colonialidad del saber: eurocentrismo y ciencias sociales. Perspectivas latinoamericanas. Buenos Aires: CLACSO/UNESCO: 201-246.

_____. (2000b) “Colonialidad del poder, globalización y democracia.” In: Tendencias básicas de nuestra época. Caracas: Instituto de Altos Estudios Internacionales Pedro Gual: 21-65.

_____. (2000c) “Coloniality of power and social classification.” In: Journal of World-Systems Research 6.2: 342-386.

_____. (2001) “Colonialidad, poder, cultura y conocimiento en América Latina.” In: Walter Mignolo (ed.), Capitalismo y geopolítica del conocimiento. El eurocentrismo y la filosofía de la liberación en el debate intelectual contemporáneo. Buenos Aires: Signo: 117-131.

_____. (2004) “O ‘movimento indígena’ e as questões pendentes na America Latina.” In: Política externa 12.4: 77-97.

_____. (2007) “Don Quijote y los molinos de viento en América Latina.” In: Investigaciones Sociales 10.16: 347-368.

_____. (2009) “Des/colonialidad del poder: El horizonte alternativo.” In: Pasado y Presente 21.

_____. (2010) “’Bien vivir’ para redistribuir el poder: Los pueblos indígenas y su propuesta alternativa en tiempos de dominación global.” In: Oxfam Annual Report 2009-2010: Pobreza, desigualdad y desarrollo en el Perú.

Wallerstein, I. (1997) Abrir las ciencias sociales. México: Siglo XXI.

> Из Чьяпаса:
Лицом к лицу с миром неравенства

Маркус Шульц, Университет Иллинойса в Урбане-Шампейн, США, член программного комитета Всемирного социологического конгресса 2014 г. и президент ИК МСА по исследованию будущего (RC07)

Майянские женщины в борьбе за собственное достоинство. Фото Маркуса Шульца.

В этом году исполняется 20 лет с того момента, как Канада, Мексика и США подписали договор о Североамериканской зоне свободной торговли (НАФТА). НАФТА представляла собой первый подобный договор между странами с разными уровнями развития и стала отправной точкой и референтной базой для последующих подобных соглашений, в том числе для текущих переговоров о Транс-Тихоокеанском партнерстве (ТТП) двадцати стран тихоокеанского бассейна и Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве (ТГИП) Евросоюза и США. Разработанная в период первого президентского срока Буша-старшего и реализованная при Клинтоне, НАФТА включала в себя модель снижения пошлин, приносившую выгоду ориентированным на экспорт корпорациям, ущемлявшую интересы рабочих и наносящую вред экологии.

В 2014 году исполняется также 20 лет восстанию местного населения мексиканского штата Чьяпас. Когда в день вступления в силу договора НАФТА Сапатисты взяли в руки оружие, они объединили локальную борьбу за землю, гражданские права и достойные условия жизни с более глобальными устремлениями в защиту демократии и социальной справедливости на мировом уровне. В течение многих лет Сапатисты вдохновляли критический дискурс и способствовали формированию транснациональных активистских сетей, которые в свою очередь организовывали масштабные демонстрации в Сиэтле, Праге, Генуе и на других саммитах, где мировые элиты занимались планированием

>>

Общественные работы — подготовка поля для посадки овощей на возвышенности в Чьяпасе

неолиберальной перестройки мировой экономики.

Хотя внимание масс медиа и отвернулось от Чьяпаса, было бы ошибочным полагать, что движение Сапатистов сошло на нет. Восстание продолжается, хотя и в измененных формах. Восставшие общины индейцев майя в автономных муниципалитетах экспериментируют с низовыми формами самоуправления. Сменяющиеся делегаты локального и регионального уровней работают по принципу «управляй, подчиняясь». В декабре 2012 года Сапатисты продемонстрировали свою силу, мобилизовав десятки тысяч человек для участия в марше в одном из крупнейших высокогорных городов, Сан Кристобале де лас Касас.

Прошлым летом сапатисты организовали новую инициативу, пригласив гостей в свои сообщества для того, чтобы показать им, как они понимают свободу. Их «маленькие школы» (escuelitas) перевернули ситуацию с ног на голову: представители большого мира были приглашены не для того, чтобы научить «аборигенов» модернизации и развитию, а скорее наоборот, чтобы увидеть, услышать, узнать об их опыте создания социальной альтернативы, партиципаторных структур автономного самоуправления. Маленькие школы были предназначены не для высокопарных пафосных речей, произнесенных с высоких трибун, а для обучения приезжих практикам и навыкам ежедневного низового сопротивления.
Более тысячи двухсот гостей съехались со всей Мексики и из других стран. Среди них были активисты, художники, ученые, крестьяне, музыканты, поэты, уличные торговцы, студенты, сочувствующие с невероятно разнообразными жизненными траекториями. Участие в проекте было бесплатным. Питание, проживание и даже транспорт — также. Требовалось заплатить лишь сто песо (примерно десять долларов) за печатные обучающие материалы. Участники могли делать анонимные денежные пожертвования. Сапатисты объяснили, что щедрые доноры не должны чувствовать сое превосходство, а тем, у кого денег мало или их нет вовсе, не стоит стесняться.

Общие встречи давали возможность участникам задать вопросы о мировоззрении и взглядах Сапатистов, но основная часть обучения проходила в поселениях, которые перед этим в течение нескольких месяцев готовились к встречам. Каждому студенту был назначен Votán (патрон), сопровождающий и тьютор, представитель сообщества. «Здесь нет учителя-одиночки. Скорее, это коллектив, именно коллектив учит, показывает, и через него человек учится, и таким образом, и сам учит», — пояснил Субкоманданте Маркос, представитель Сапатистов.

История одного из менторов, молодого Цоцила, является довольно типичной для людей его поколения. Проучившись в течение двух лет в школе, он сам стал учителем начальной школы в своей деревне. Ему довелось испытать на себе и другую жизнь, в Канкуне. Надеясь на заработок, он переехал в большой город и работал там на стройках, в ресторанах, в отелях. Он описал свое влечение к роскоши курортного города с его сияющими белыми особняками и гостиничными комплексами, но упомянул и повсеместную нищету, царившую в остальных частях города подальше от береговой линии и богатых районов. Чуть более года он прожил в мире экономики наличных денег; как мальчик на побегушках он терпел обман, его надували на чаевые, а иногда не платили зарплату за весь месяц. В конце концов он не выдержал и вернулся домой. Дисциплине он предпочел достоинство, конкуренции — общину.
Через двадцать лет после восстания здесь теперь работает независимая школьная система, согласно которой члены общины сами составляют учебные планы в соответствии со своими потребностями, ценностями и приоритетам. Началось все с постройки школы в одном из региональных центров, где школьники обычно оставались на двухнедельный период (из-за того, что зачастую жили очень далеко от места обучения). В деревнях были открыты начальные школы, в них преподавали те, у кого было хоть какое-то образование. Сапатисты считают, что такая система значительно превосходит по качеству систему государственных школ с учителями, которые зачастую не знают местного языка и которым неприятна сама мысль о работе в отдаленных районах вдали от семьи и городских удобств. Учителя-сапатисты предпочитают, чтобы их называли «пропагандистами образования», так как они отвергают конвенциональную иерархичную систему обучения в пользу более кооперативного метода обучения в коллективе. Учителю не платят зарплату. Сообщество предоставляет ему жилье, еду, время свободное от общественных работ, небольшую доплату на покупку одежды.

Кукуруза — основной компонент натурального хозяйства индейцев майя. Подписание договора НАФТА поставило мексиканских крестьян в условия конкуренции с США, где

>>

кукуруза производится в промышленных масштабах как монокультура в условиях крупных государственных субсидий. В ситуации такой жесткой конкуренции многим крестьянам пришлось покинуть свои земли и отправиться на поиски работы в города или за границу. Сапатисты продолжают выращивать кукурузу для собственного потребления традиционным способом на своих «милпах», маленьких полях, зачастую расположенных на крутых склонах, рядом с другими растениями вроде съедобных трав, кабачков Совместная жизнь в общине включает в себя работу в поле, посадку овощей, сбор фруктов, плаванье, стирку одежды, совместные приемы пищи, пение и рассказы. Если оценивать материальные блага, можно сказать, что уровень жизни общины, в которой я жил летом, был довольно низким. В наших глинобитных хижинах были земляные полы. Не было ни современных приборов, ни электричества. С другой стороны, было множество плюсов. Царила спокойная идиллическая атмосфера. Мы жили вдали от шумных Крупная трансформация коснулась также гендерных отношений. Революционный Закон о женщинах пропагандирует идеи гендерного равенства. Такие тенденции представляют собой разрыв с глубоко укорененным патриархатом, и общины принимают новшества с разной степенью энтузиазма. Например, в условиях высоких цен на проезд и питание некоторые семьи, живущие вдали от школы, могут послать учиться только сына, но не дочь, тем самым воспроизводя дисбаланс и неравенство. Однако, многое указывает на то, что молодое поколение более открыто идеям гендерного равенства. Например, молодые мужчины больше не считают стирку женской прерогативой, и часто их самих можно застать за этим занятием. Женщины участвуют в программах по пропаганде образования, здравоохранения, а также служат в органах самоуправления.

Стратегический ответ мексиканского правительства на существование Сапатистов с течением времени претерпел ряд изменений. Первой реакцией было военное вмешательство, прекращенное после массовых протестов в стране и за границей. Недавно власти спонсировали строительство Сельского города устойчивого развития (Rural Sustainable City) и сборочного завода неподалеку от главных позиций Сапатистов. Однако обещанные рабочие места, которые могли бы заманить крестьян и заставить их покинуть свои земли, испарились, как только истощился поток госсубсидий. Новые, раскрашенные в яркие цвета дома пустуют, признанные недостаточно качественными по своей конструкции. Хотя военных вторжений в эти поселения на данный момент не происходит, есть опасения, связанные с тем, что военные самолеты пролетают время от времени довольно низко над местностью. Сапатисты считают, что нынешний президент смог захватить бразды правления лишь благодаря недостаткам электоральной системы и недобросовестной работе СМИ. По мнению Сапатистов, политическая система коррумпирована до такой степени, что они отказываются от какой-либо кооперации с политическими партиями как таковыми.

По своей сути сопротивление Сапатистов носит одновременно политический, экономический, социальный и культурный характер. Его цель состоит в том, чтобы самоуправление и натуральное хозяйство могли существовать и нормально функционировать, создавая социальную систему со значительными преимуществами. Их ответ на вопрос о социальной справедливости начинается со слова «свобода». Они не спрашивают разрешения, а просто работают. Политика структурной перестройки способствовала росту трущоб по всему миру. Пришло время признать необходимость инновационных программ, борющихся с нищетой по модели «снизу-вверх». Для социологии, нацеленной на решение глобальных проблем неравенства, может быть крайне полезным прислушаться к тому, за что борются активисты низовых групп на периферия Глобального Юга.■

> В сирийской тюрьме

Отключенные и десубъективированные

Абдулхай Сеид, бывший сотрудник Университета Дамаска, Сирия

В недавнем отчете, профинансированном Катаром, бывшие прокуроры ООН анализируют тысячи обнаруженных в Сирии фотографий трупов истощенных и явно подвергавшихся пыткам заключенных. В очередной раз подтвердились подозрения о том, что убийства заключенных в Сирии приобрели «промышленные масштабы». Отчет последовал за аналогичными заявлениями сирийских правозащитных организаций, описывающих нечеловеческие условия, царящие в наши дни в тюрьмах Сирии. В настоящем эссе основное внимание уделяется свидетельствам очевидцев, а не образному ряде. Действительно, многие чудом выжившие узники сирийских тюрем рассказывают о нечеловеческих условиях заключения. Здесь я постараюсь рассказать о том, как заключенные выжили в условиях тюремного пространства, как их тела медленно деградировали, опускались, достигая границы между жизнью и смертью, и как они наблюдали за постепенным «отключением» сокамерников — до их полного исчезновения (смерти). Я задаюсь вопросом, в какой степени страшный опыт «мусульман», описанный Примо Леви (как и многими другими выжившими в нацистских лагерях) в воспоминаниях об Освенциме и превращенный Агамбеном в парадигму, может помочь нам понять современную трагедию тех, кто попал в категорию «отключенных» в сирийских тюрьмах, и те бедствия, которые поразили сирийское политическое пространство.

Как утверждают многие выжившие, постоянно растет число скончавшихся в тюрьмах заключенных, арестованных за участие в мирных демонстрациях или в других формах общественной деятельности. Они погребены в секретных массовых захоронениях. Рассказы выживших свидетельствуют о том, что заключенные в местах лишения свободы содержатся в условиях чрезвычайно тесных пространств и ужасающего перенаселения. Пытки стали рутиной их существования. Применение насилия и унижение человеческого достоинства не ограничены процедурой допроса. Они являются интегральной частью каждой минуты существования заключенного в сирийской тюрьме.

Рассказы очевидцев, собранные сирийским Центром Документирования Нарушений (the Violation Documentation Center (VDC)) — одним из основателем которого является широко известный (и на данный момент похищенный) юрист Разан Зейтуне, — содержат указания на то, что тюремщики нередко заставляют заключенных голодать, чтобы довести их до состояния полного бессилия. Голод — не только один из видов пыток. Его необходимо вписать в память выживших как неотъемлемый атрибут тюремной действительности и рутинное состояние в местах лишения свободы. Жесткие условия заключения зачастую приводили к состоянию, которое можно описать как «отключение» («в отключке»). Вот как бывший заключенный описывает тюрьму военной разведки, расположенную в районе Кабун в Дамаске, где многие заключенные в итоге оказались «отключенными из-за условий в камере:

Меня определили в камеру размером два на пять метров вместе со 180 сокамерниками. Было много тех, кто находился «в отключке». Это слово мы использовали для описания состояния тех заключенных, чья речь становится бессвязной и которые начинают терять ориентацию в пространстве из-за невероятных пыток и крайне высокой температуры в камере... Мы наблюдали за тем, как ежедневно «отключались» один-два узника, по причине непрекращающегося психологического давления, невыносимой влажности и жары... Заключенные начинали говорить и делать необъяснимые, очень странные вещи...

В случае смерти узника действует система эвакуации трупов из камеры и выноса их за пределы тюрьмы. В некоторых местах лишения свободы эвакуация умерших является обязанностью заключенных-старожилов. В других тюрьмах создаются так называемые комнаты «утешения» для «отключившихся» и умирающих. Зачастую они расположены по соседству с уборными. Воспоминания выживших фиксируются на тюремных коридорах, где около туалетов скапливались «отключившиеся», умиравшие медленной смертью. Вот как бывший заключенный вспоминает о своем тюремном опыте:

Каждый день около двадцати заключенных выбрасывались в коридор, чтобы ожидать там своего конца... Некоторые были на грани смерти из-за жестоких пыток, отключения, высокой температуры, другие, сплошь покрытые язвами, мало чем отличались от скелетов. Они мочились в одном и том же месте, наполненном гноем и кровью. Они были при смерти. Но их взгляд как будто просил живых, которые все еще могли ходить, чтобы те на воле рассказали о том, какие страдания и пытки всем пришлось пережить за решеткой.

Особенно поражает достаточно продолжительный период в опыте заключенных, когда они находятся в состоянии крайней апатии, отключения рассудка, когда тело переходит в подобие растительного состояния, немину-

"Дерево" — бронзовая сульптура сирийского скульптора Фади Язиги (публикация с разрешения скульптора).

>>

емо ведущего к смерти. Очевидно, существует соблазн провести параллель с фигурой «мусульманина», впервые упомянутой в книге бывшего узника Освенцима Примо Леви («Если это человек» 1946). В Освенциме существовала категория узников, которых СС и сокамерники называли «мусульманами». Описание, предоставленное Леви, поражает воображение: мусульманами называли «нелюдей», «утопающих», населявших концлагерь. Это были те, кто «маршировал в тишине», кто был не в состоянии поддерживать гигиену своего тела, узники с «опущенными головами и плечами», на чьих лицах невозможно было уловить и следа мысли. Воспоминания выживших узников концлагерей указывают на то, что фигура «мусульманина» как «живого трупа», «ходячего скелета», «человека-мумии» была известна и в других концлагерях, но носила другие названия. Пока что очень мало исследований посвящены поиску ответа на вопрос о том, почему в Освенциме использовался именно уничижительный термин «мусульманин».

Джорджио Агамбен недавно обратился к понятию «мусульманин» в своей книге «Останки Освенцима» (Remnants of Auschwitz 2005). Фигура «мусульманина» заинтересовала Агамбена в связи с двумя темами. Он старается ответить на вопрос, каким образом было возможно вынести и пережить опыт лагерей уничтожения, когда нацисты очевидно ставили перед собой цель ликвидировать всех заключенных и все потенциальные свидетельства преступлений. Во-вторых, Агамбен старается выяснить, каким образом нацистская власть «десубъективировала» человека. Агамбен показал, как через доведение «другого» до истощения, до состояния «мусульманина», находившиеся у власти выигрывали время. Они словно создавали третью временную категорию — «третье пространство» между жизнью и смертью. Состояние «мусульманина» — само воплощение триумфа власти над человеческими существами через десубъективацию последних, сведение их жизни к биологическому существованию на грани смерти.

Хотя и существует известный соблазн в проведении параллели между «отключившимися» десубъективированными сирийскими узниками, чья сознательная жизнь оказывается отделенной от биологической, сходство на самом деле на этом и заканчиваются. Действительно, есть множество отличий между «мусульманами» Освенцима и «отключившимися» сирийскими узниками. Феномен «мусульманина» не был повсеместным в масштабах всего Освенцима, поскольку лагерь был нацелен на уничтожение, в том числе истребление потенциальных свидетелей и свидетельств. Напротив, феномен «отключения» является ключевой характеристикой механизма, запущенного сирийскими властями. Основная функция образа «отключившегося» — показательная — демонстрация того, что случается с заключенными. Выжившие должны запомнить происходившее в тюрьме. Свидетельства и воспоминания выживших узников дополняют и подпитывают само существование такого явления как «отключившийся». Без выжившего «отключившего» не существует и наоборот. Опыт «отключения» должен быть рассказан и передан из уст в уста теми, кто смог выжить. Таким образом, режим запугивает потенциальных несогласных, отрезая пути для выражения недовольства.

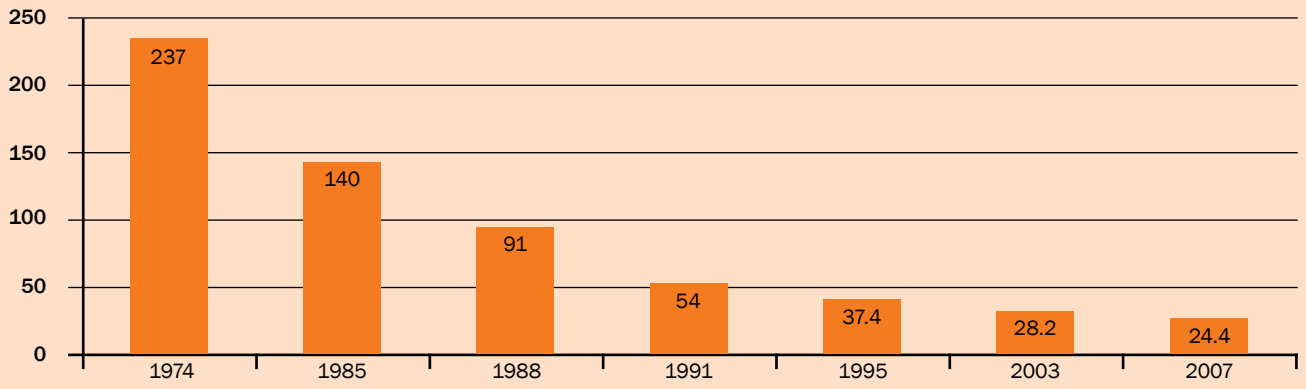
Более того, «мусульманизация» сирийских заключенных показывает, каким образом режим расправляется с сирийским политическим пространством. Властная машина режима нацелена в первую очередь не на уничтожение какой-либо категории населения, а на уничтожение их способности выступать с какими-либо оппозиционными коллективными требованиями в публичном пространстве. Люди рассматриваются как простой биополитический факт, как биологическая популяция, с которой можно обойтись любым необходимым образом. Уничтожение населения в промышленных масштабах — не является конечной целью находящихся у власти. Это лишь способ, используемый режимом для того, чтобы вновь завоевать все общество целиком. В условиях мирной политической мобилизации режим арестовывает протестующих, бросает в инфернальные тюрьмы, организованные таким образом, что в сознании заключенных стираются сами представления о политических правах. Заключенных приводят в состояние «отключенности», а тела тех, кто не смог вынести пыток и погиб, выбрасываются, словно биологические отходы.

Возможно ли провести параллель между увечьями, наносимыми отдельным телам в сирийских тюрьмах, и травмами, наносимым сирийскому политическому телу? Пытки заключенных и уничтожение целых городов в стране; доведение заключенных до состояния «отключения» в тюрьме и уничтожение публичных пространств, где собирались мирные протестующие; выбрасывание умерших тел, как мусора, и превращение мирного населения в беженцев. Конечно же, такая параллель достаточно примитивна, но она поразительным образом отражает реалии сирийской трагедии, отмеченной систематическим уничтожением властями любых мирных гражданских инициатив по достижению политической свободы. ■

> Женщины Ирана: неоднозначный прогресс

Ширин Ахмад-Ниа, Алламех-Табатабайский университет, Иран

Материнская смертность (в расчете на 100,000 живорождений в Иране, 1974-2007



Источник: "Показатели качества здоровья в Исламской республике Иран", Центр развития здоровья, Министерство Здоровья и медицинского образования, 2009

С момента Исламской революции 1979 года иранское общество прошло через коренные социально-политические, экономические и культурные изменения, в особенности затронувшие паттерны семейной жизни, образования и урбанизации.

Незадолго до революции менее половины иранцев (47%) жили в городах. Перепись населения 2011 года показала, что число горожан возросло до 71 процента. За период чуть более полувека (с 1956 по 2011 год) уровень грамотности городского населения Ирана вырос с 39,5 процента до 88,9 процента, а гендерный разрыв в таких сферах, как среднее и высшее образование, значительно уменьшился — и продолжает уменьшаться.

Как показывает официальная статистика, около десяти процентов домохозяйств в Иране возглавляются женщинами. Доля незамужних, вдов и разведенных стремительно растет. Несмотря на это, культурные представления противостоят экономическому участию женщин в формальных секторах экономики. Традиционные ценности гендерной сегрегации, такие как «мужчины — главные или единственные кормильцы», препятствуют свободному доступу женщин к рынку формальной занятости. В результате уровень экономической активности женщин лишь немного превышает 12 процентов. Он практически равен дореволюционному уровню. Это противоречит активному участию женщин в получении образования, увеличивающемуся числу выпускниц университетов, получивших дипломы в самых разнообразных областях. В результате уровень безработицы среди женщин вдвое выше, чем среди мужчин.

Несмотря на дискриминацию женщин на рынке труда, достижения женщин в сфере высшего образования, расширение доступа к международным СМИ, углубление культур-

>>

ной глобализации и как следствие — ознакомление с новыми идеями и идеалами, стилями жизни и мультикультурными ценностями, вне сомнения внесли значительные изменения в гендерную идентичность молодых женщин.

Младшее поколение женщин уже не видит свое предназначение в выполнении традиционных ролей жены и матери. Они стремятся к участию в жизни общества, культурных событиях, а также в экономической жизни. Вхождение в «публичную сферу» наперекор культурным барьерам подарило женщинам ощущение большего контроля над собственной жизнью и финансовую независимость. Пользуясь своим приобретенным потенциалом, молодые женщины нередко принимают решения, исходя из принципов индивидуализма, что приводит к созданию новых семейных и жизненных паттернов.

Ранний брак (в подростковом возрасте) считался приемлемым ответом на потребность молодежи в близких отношениях и интимности в условиях традиционного общества и эта практика не была разрушена политикой модернизации в период правления Шаха. При этом за полвека (1956-2011) средний возраст вступления в брак для женщин увеличился с 18 до 24 лет. За этот же период постепенно снизился и средний размер семьи (с 4,8 до 3,5 человек). Радикально снизился и семейный коэффициент фертильности: среднее число рождений снизилось с 6 до 2 на женщину. Темпы роста населения, достигшие максимума в период с 1955 по 1965 год (3,91%) упали до 1,29% к 2011 году.

С момента возрождения программы планирования семьи в 1989 году число замужних женщин, пользующихся контрацептивами, выросло до 74 процентов. Благодаря этому снизился уровень рождаемости и число нежелательных беременностей. В результате коэффициент материнской смертности упал с 237 (на 100 000 живорождений) в 1973 году до 21 в 2010. Улучшенное здоровье женщин также отразилось на показателях продолжительности жизни в стране, которая к 2011 году выросла до 75 лет.

Эти социокультурные изменения внесли свой вклад в формирование таких трендов как независимый выбор партнера, добрачные интимные отношения и распад семьи. Выбор партнера теперь происходит в университетах, на рабочем месте, в парках, в торговых центрах, на интернет форумах, в чатах, на улице, даже во время религиозных церемоний и ритуалов, то есть везде, где молодежи удается найти пространство для поиска новых знакомых и друзей. Вступление в брак контролируется старшим поколением и традиционными «свахами» в намного меньшей степени, чем даже десятилетие назад. Беспрецедентно высокий уровень разводов (около трети браков в Тегеране в 2012 году были расторгнуты) приводят к росту числа менее распространенных форм брачных отношений, таких как, например, непостоянный исламский (шиитский) брак, представляющий собой религиозный ответ на растущее число опасных видов сексуального поведения, добрачных и внебрачных отношений.

На общенациональном уровне проводится скудное количество исследований, посвященных проблемам репродуктивного здоровья подростков и молодежи, но локальные исследования показывают, что возраст вступления в первые интимные отношения снизился до подросткового как для мальчиков, так и для девочек. Более того, неконвенциональные отношения привели к распространению так называемых «рискованных» поведенческих паттернов, подвергающих молодежь опасности заражения заболеваниями, передающимися половым путем, к которым относится помимо прочих и ВИЧ/СПИД. К усугублению ситуации приводят изменения в характере рекреационной деятельности и формах досуга, сопровождающихся потреблением современных наркотиков и алкоголя, свободно доступных на черном рынке по низким ценам. В стране, где ничто из вышеперечисленного не санкционируется ни религией, ни законом, подобные тренды являются источником беспокойства как для семей, так и для представителей власти.■

> Евромайдан: профиль восстания

Владимир Паниотто, Киево-Могилянская Академия, Генеральный директор, Киевский международный институт социологии (КМИС), член ИК МСА по логике и методологии (RC33)

Выступление на Майдане известной украинской рок-группы "Океан Эльзы", декабрь, 14, 2013.

«Майдан» представляет собой уникальный социологический феномен. Такие понятия, как «толпа», «митинг» или демонстрация не могут адекватным образом передать его динамичный характер. Технически, «Майдан» — название Площади Независимости в Киеве, но теперь оно неразрывно связано с постоянно меняющимся расположившемся здесь лагерем, который включает в себя как палаточный городок, так и несколько соседних зданий, оккупированных протестующими. Динамика и драма Евромайдана может быть разбита на четыре фазы.

> Первая фаза: начало протеста

Украина и Евросоюз планировали подписать Соглашение об ассоциации с Евросоюзом 28-29 ноября 2013 года на саммите Восточного партнерства в Вильнюсе. Однако, ко всеобщему удивлению, украинские власти объявили о приостановлении подготовки к подписанию соглашения. Первый митинг на Майдане, собравший по разным оценкам от 50 до 100 тысяч человек, произошел 24 ноября. Это было самое масштабное событие такого рода со времен Оранжевой революции 2004 года. Сторонники Евросоюза начали разбивать палатки на Площади Независимости. Сотни остались ночевать в палаточном лагере. Так как «Майдан» на украинском означает «площадь», последующие собрания, а также постоянный палаточный лагерь, получили название «Евромайдан».

>>

> Вторая фаза: Наступление на протестующих и изменение профиля

В 4 утра 30 ноября несколько сотен членов отряда милиции особого назначения «Беркут» применили силу для разгона сторонников евроинтеграции, в основном молодых людей, собравшихся на Майдане. Это было нечто большее, чем просто попытка выгнать толпу с площади — протестующих избивали ногами и дубинками. Затем их преследовали по Крещатику и соседним улицам, пока те не укрылись в Соборе Святого Михаила, куда бегущих от «Беркута» студентов впустили открывшие ворота монахи.

Эти события вызвали волну общественного протеста. На следующее воскресенье, 8 декабря, на Майдане и в прилегающих улицах собралось множество протестующих: между 700 тысячами и миллионом человек; кроме киевлян здесь были люди из других (в основном западных) регионов. Кто пришел на Майдан и в чем заключались их требования? Фонд «Демократические инициативы» спонсировал соцопрос, который был проведен Киевским международным институтом социологии (КМИС) на выходных 7-8 декабря. Мы провели 1037 очных интервью. Дополнительное анкетирование было проведено 20 декабря, в будний день, и оно затронуло лишь жителей палаточного лагеря на Майдане.

Необходимо сказать несколько слов о нашей методологии. Мы довольно скоро поняли, что наш опыт проведения экзит-полов и уличных интервью не может быть особо полезным в условиях изменяющегося контекста, когда число постоянных обитателей палаточного городка колебалось между 5 и 20 тысячами, но могло подняться до 100 тысяч в воскресенье. Таким образом, наша обычная методология, применяемая в стандартном контексте, потребовала определенных изменений. Процедура выборки состояла в следующем: мы разделили Майдан на сектора (в числе которых были оккупированные здания), и построили случайную выборку с учетом приблизительного количества людей в каждом секторе. С теми, кто находился в оккупированных зданиях, мы проводили опросы на выходе (экзит-полы), то есть интервьюировали тех, кто выходит из здания в заданные интервалы времени. На самой площади мы наметили несколько ареалов для проведения интервью. Интервьюер должен был опросить каждого, кто пересекал воображаемую черту, находящуюся в трех метрах от него. Проведение интервью контролировалось супервайзорами. Каждое место интервьюирования фотографировалось сверху для того, чтобы можно было определить примерное количество человек в секторе и затем взвесить полученные результаты.

Два центральных мотива руководили теми, кто пришел на Майдан: избиение демонстрантов в ночь на 30 ноября (70%), отказ Януковича от подписания Соглашения об ассоциации с ЕС (54%). Другие мотивы участия включали желание улучшить жизнь в Украине (50%) и изменить властную структуру в стране (39%). Респонденты Майдана выступали со следующими требованиями: освобождение арестованных протестующих и отмена репрессий (82%); отставка правительства (80%); отставка президента и последующие ранние президентские выборы (75%); подписание соглашения об ассоциации с ЕС (71%); проведение расследования и наказание ответственных за применение силы против демонстрантов на Майдане (58%). Иными словами, можно сказать, что главные требования фокусировались на вопросах социальной справедливости и человеческого достоинства, и потому журналисты назвали протесты «Революцией уважения».

Сравнение постоянного палаточного лагеря на Майдане с демонстрациями Майдана выявило наличие ощутимых различий в составе участников. Подавляющее большинство обитателей палаточного лагеря составляли жители других регионов (81%), а в демонстрациях в основном участвовали киевляне (57%). Большинство приехавших являлась жителями Западной Украины (в лагере их было 42%, среди митингующих — 52%, то есть число представителей западных регионов незначительно превышало представительство других регионов). Уровень образования участников протестов крайне высок: 64% протестующих имеют высшее образование, 13% — незаконченное высшее. Почти 60% — специалисты, предприниматели и менеджеры. Иными словами, большинство участников протеста можно отнести к представителям среднего класса. В палаточном лагере, напротив, доля специалистов более чем в два раза ниже, чем у демонстрантов, обладатели диплома о высшем образовании составляют менее половины всех присутствовавших.

> Третья фаза: Радикализация Майдана

Шла неделя за неделей, а Майдан все так же был полон людьми. Требования активистов игнорировались, самих активистов постоянно арестовывали. Протестующие, живущие в палатках, когда температура воздуха достигала десяти градусов ниже нуля, постепенно радикализировались. 16 декабря Верховная Рада приняла жесткие законы, значительно усилившие наказания за участие в массовых протестах (журналисты назвали их «диктаторскими»). Возмущенные такой мерой, демонстранты организовали шествие от Майдана к Раде, остановленное милицией. Во время столкновений на улице Грушевского многие были ранены, несколько человек погибли. Более того, неизвестные похитили ряд протестующих, отвезли их в лес и жестоко избили. Был обнаружен труп одного активиста, несколько человек пропали без вести.

3 февраля КМИС и Демократические инициативы повторили опрос на Майдане (предыдущий проводился 20 декабря). За полтора месяца палаточный городок превратился в военный лагерь: «Майданскую сечь»

>>

(по аналогии с Запорожской сечью, ставшей символом независимости Украины). Число участников, готовых к боевым формам протеста, увеличилось: доля сторонников пикетирования правительственных зданий возросла с 38% до 56%; сторонников захвата зданий — с 19% до 41%; сторонников создания параллельных властных структур и военных формирований — с 31% до 50%. Результаты опросов и новостные СМИ указывали на то, что по всей стране происходит радикализация позиций. Отношение к Майдану отличалось от региона к региону. Опрос, проведенный КМИС между 8 и 18 февраля во всех регионах Украины, в том числе в Крыму (2032 интервью лицом к лицу) показал, что в целом по стране 40% населения поддерживали Майдан, однако регионально процент варьировался от 8% на востоке до 80% на западе.

> Кому Вы симпатизируете в сегодняшнем конфликте в Украине?

ПРОЦЕНТ ПОДДЕРЖКИ	РЕГИОНЫ				
	Вся Украина	Запад	Центр	Юг	Восток
Правительство и Янукович	23	3	11	32	52
Протестующие	40	80	51	20	8
Никого не поддерживаю	32	13	33	42	39
Затрудняюсь ответить	5	4	6	7	1

> Четвертая фаза: Силовое подавление и победа Майдана

18 февраля в ходе подготовки спецоперации по штурму Майдан, ситуация накалилась. Майдан был окружен милицией, снайперы ворвались в оккупированные здания, начались столкновения, продолжавшиеся днем и ночью и прерывавшиеся на короткое время лишь 19 и 20 февраля. С обеих сторон в ход пошло штурмовое вооружение. В эти дни было убито и погибло от ранений более 100 демонстрантов, а также пять беркутовцев; 1500 человек было ранено, еще 300 пропали без вести. Страна пережила глубокую травму. На заседании Верховной Рады 21 февраля ряд членов правящей Партии Регионов поддержали оппозицию, Рада проголосовала за отзыв полиции и военных и возвращение их в свои части.

В то же время в присутствии представителей Польши, Германии, Франции и России Президент Янукович подписал соглашение с оппозицией об урегулировании кризиса. Вечером того же дня он внезапно пропал. Были совершены попытки перехватить и задержать его, однако он успел сбежать в Россию. Рада назначила новое правительство, объявила дату выборов и, в соответствии с Конституцией, спикер вступил в должность исполняющего обязанности президента. Таким образом произошла смена власти в стране.

Получено 9 марта 2014 года

> Революция даже не началась

Владимир Ищенко, Национальный Университет «Киево-Могилянская академия», заместитель директора Центра исследования общества, Киев, Украина

Майдан превращается в массовое насилие, после того как парламент 16 января 2014 года принял репрессивные законы, ограничивающие гражданские свободы.

Учитывая, что события в Украине стремительно развиваются, движимые «сепаратистскими» демонстрациями на Востоке и Юге страны, а также российским военным вмешательством в Крыму, любые попытки теоретических обобщений должны носить предварительный характер. И все же, Янукович смещен со своего поста, а новое правительство, которому, кажется, более или менее успешно удается взять под контроль практически всю территорию страны, объявило о проведении первых политических и экономических реформ.

Многие аналитики и активисты называют происходящее «революцией» — «национальной», «демократической», «антиколониальной» или «буржуазной». Но есть ли основания для таких определений? Несомненно, в Украине произошло массовое восстание, захватившее часть украинского населения (в основном в Западном и Центральном регионах, и в намного меньшей степени на Востоке и Юге страны) со слабо выраженным руководством и зачастую противоречивым лидерством парламентских партий, на последнем этапе включившее в себя жесткое противостояние между полицией и вооруженными полувоенными формированиями. В результате произошла смена властной элиты. Хотя некоторые политологи[1] утверждают, что существует достаточно оснований для того, чтобы назвать это революцией «по Тилли», смена элиты в результате массовой мобилизации — это не самая главная черта революций. Обычно говоря о революциях, мы анализируем и обсуждаем потенциал радикальных

>>

институциональных структурных изменений.

Внесет ли восстание изменения в классовую или социально-экономическую ситуацию в Украине? Командные высоты экономики контролируются все теми же старыми добрыми «олигархами» — финансовыми и индустриальными группами, имеющими тесные связи с государством. Более того, теперь они совсем неприкрыто захватывают власть в центральном и локальном правительствах. Украинский «шоколадный король» Петр Порошенко (который работал и в правительстве Ющенко, и в правительстве Януковича) — наиболее вероятный победитель грядущих президентских выборов. В попытке легитимировать свое правление в ставших оппозиционными регионах и усилить национальное единство в условиях российской интервенции новое правительство назначило богатейших людей страны (Ивана Коломойского и Сергея Таруту) региональным мэрами на Востоке.

Политическая конъюнктура становится более плюралистской, но это вряд ли означает демократизацию институтов. Попытка «семьи» Януковича монополизировать власть была остановлена — ее сменило коллективное правление олигархов. Хотя Конституция 2004 года подарила больше власти Верховной Раде, забрав часть полномочий у президента, вряд ли ее можно назвать более демократичной. Выборы в Верховную Раду будут основаны исключительно на принципе пропорционального представительства через голосование по партийным спискам. Конституция не предлагает какого-либо механизма для народного контроля того, какие кандидаты будут представлены в партийном списке (например, через «праймериз»). Партийное руководство обладает практически неограниченной властью по составлению партийных списков, в том числе правом исключить несогласных депутатов из парламентских групп (в таком случае депутат автоматически теряет свой мандат). Возможно, действующие ныне правила парламентского контроля могут привести к повторению катастрофы 16 января 2014 года, когда, с нарушением процедурных правил и Конституции Рада приняла десять законов, ограничивающих свободу слова и собрания.

Одно из требований выступавших на Майдане, одна из важнейших проблем, из-за которой народ вышел на улицы, один из центральных вопросов в плане работы нового правительства — это прозрачность политической власти и борьба с коррупцией. Несмотря на то, что «прозрачность» — модное словечко неолибералов, вопрос этот ни в коем случае нельзя игнорировать. Установление эффективных, прозрачных формальных институтов вместо неформальных процессов, от которых выигрывает горстка приближенных к властной элите, могло бы стать невероятно важным модернизационным прорывом для Украины. Однако, крайне маловероятно, что эти проблемы могут быть решены без серьезной борьбы с неравенством и бедностью в украинском обществе. Пока что мы видели лишь противоположные тенденции — правительство объявило о полной готовности принять любые меры жесткой экономии, которых требует МВФ как условие выдачи отчаянно необходимых кредитов. Это только усугубит экономическое неравенство. Более того, любое движение в сторону увеличения прозрачности в работе высших эшелонов власти не найдет поддержки у олигархов, которые зависят от разнообразных неформальных преференций со стороны государства, позволяющих им сохранить конкурентное преимущество в контексте украинского периферийного капитализма. В открытом соревновании с европейскими корпорациями в зоне свободной торговли, избирательно оказываемая защита и доступ к государственным ресурсам будут еще важнее. Международная конкуренция — сильнейший фактор, ограничивающий расширение национального капитала Украины — поэтому так важна защита государства, которое и само сталкивается с конкурирующим давлением со стороны ЕС и России. Парадоксальным образом, украинская «анти-колониальная» революция пока что лишь приводит к углублению экономической зависимости страны.

В контексте международной поддержки насилие оказалось эффективным способом борьбы против интенсивных, но непоследовательных силовых действий Януковича[2]. Однако это насилие повлекло за собой и ряд негативных последствий. К ним можно отнести и популяризацию коалиции «Правого сектора», в том числе открыто неонацистских группировок, которые благодаря протестам на Майдане с периферии перебрались в самую гущу событий, и всего лишь за три месяца смогли обрести влияние и превратиться в значимого актора украинской политической арены. Конечно же, протесты на Майдане не могут быть обозначены как «фашистский переворот», как этого хотели бы российские СМИ и некоторые левые аналитики, так как подобное определение подразумевает военный, организованный захват власти, организованный сверху, что совершенно не соответствует реальности украинских событий. Правый сектор и Майдан не контролировались какими-либо политическими партиями, пришедшими к власти. Но Правый сектор получил оружие (захваченное в участках милиции) и репутацию героев успешного народного восстания.

Как и в случае великих революций прошлого, иностранное вмешательство играет значительную роль в свертывании даже такого слабого либерального потенциала, каким обладал Евромайдан, когда растущие националистические чувства отодвинули на второй план идеи гражданского контроля правительства и другие элементы социальной повестки. Таким образом, если социально-экономические протесты разгорятся вновь — на этот раз направленные против мер жесткой экономии нового правительства и олигархов, пришедших к власти — они, скорее всего, будут возглавлены правыми радикалами и популистами, а не значительно более слабыми левыми. Задача развить широкие общенациональные движения, столь необходимые в стране, разделенной по культурному признаку, будет значительно затруднена. Более того, такие тенденции с большей вероятностью поспособствуют дезинтеграции государства, а не его социальной трансформации.■

Получено 9 марта 2014

[1] http://www.psa.ac.uk/insight-plus/blog/ukraine%E2%80%99s-euromaidan-tillyan-revolution-can-lead-second-crimean-war

[2] http://www.washingtonpost.com/blogs/monkey-cage/wp/2014/02/26/why-ukraines-yanukovych-fell-but-so-many-analysts-including-me-predicted-he-would-survive/

> Трансформация паттернов человеческого развития?

Юань Тсе Ли, , Президент Международного научного совета (ICSU), бывший президент Академии Синика, Тайвань, и **Эндрю Вэй-Чи Ян**, специальный помощник Президента Международного научного совета

«Ни постепенный процесс, ни полумеры не смогут нам помочь»

На встрече, проходившей пару лет назад, мы обсуждали назревшую необходимость приостановить темпы развития, чтобы предотвратить опасные климатические изменения. В какой-то момент африканский коллега воскликнул: «Нет, наши люди несчастны. Мы обязаны развиваться. Если это означает, что земля будет уничтожена, тогда нам всем придется погибнуть вместе!»

Эти слова оставили глубокий след в моем сознании. Конечно же, мы не были согласны с идеей «погибнуть вместе», но доля истины в словах коллеги все же присутствовала: бедные и голодные нашей планеты действительно заслуживают лучшей доли. Как и каждый человек! Невозможно не признать, что этот мир полон несправедливости, ведь 1,3 миллиарда людей не имеют доступа к электричеству, 2,5 миллиарда живут на менее, чем 2 доллара в день, а самые богатые склонны к сверхпотреблению.

А они, несомненно, потребляют сверх меры. На сегодняшний день человечество каждый год потребляет вдвое больше ресурсов, чем может произвести земля[1]. В 2012 году 105 научных академий со всех уголков планеты озвучили серьезное предупреждение: чрезмерное потребление и перенаселение наносят непоправимый вред планете.[2] . Если мы будем продолжать в том же духе, то, как предсказывают ученые, в грядущем столетии планета нагреется на 4 градуса. Климат мутирует, биологические виды начнут массово вымирать, а природные катаклизмы лишат крова сотни миллионов человек и заставят их сменить место жительства.[3]

Таково непростое положение человечества в 21 веке: на планете с ограниченными ресурсами и ограниченной способностью справляться с воздействием человека живут семь миллиардов человек, чрезмерно эксплуатирующих природу и оставляющих за собой чересчур заметный след... И все же 2,5 миллиарда заслуживают намного большего, а к 2050 году к ним могут присоединиться еще 2 миллиарда.

> Как обеспечить благосостояние каждому человеку, не разрушая планету?

Было бы безумием полагать, что современная модель развития может привести к чему-либо, кроме катастрофы. При глобальной численности населения в семь миллиардов человек модель, поощряющая потребление и постоянный рост, разрушит природу и оставит миллиарды у разбитого корыта. Если население земли достигнет 9-10 миллиардов, нынешняя модель развития полностью уничтожит и ее, и какое-либо подобие человеческого благосостояния.

> Необходимо найти другой путь

Наш единственный шанс обеспечить всем на планете достойную жизнь в рамках того, что может дать планета, заключается в полной трансформации способов развития. Ни постепенный процесс, ни полумеры не смогут нам помочь. Необходима тотальная трансформация. Вы, быть может, спросите — а что конкретно нужно поменять? Что должно представлять собой устойчивое развитие? Скорее всего, оно будет принимать множество разнообразных форм по мере того, как будут вводиться различные инновации. Но в общем и целом оно должно достигать трех целей:

>>

• Устойчивое развитие должно сохранить планету и ее способность поддержать жизнь, так как от этого зависит существование нынешнего и последующих поколений людей[4].

• Устойчивое развитие предполагает ограничение темпов роста населения и потребления, так как бесконечный рост невозможен на планете, ресурсы которой далеко не бесконечны.

• Устойчивое развитие должно быть справедливым, так как без равенства и справедливости людям трудно развить в себе чувство принадлежности и чувство собственности — «это наша планета, и мы за нее в ответе».

Короче говоря, устойчивое развитие заключается в том, чтобы удовлетворить нужды нынешнего и последующих поколений — по справедливости и в то же время в соответствии с ограниченными возможностями планеты.

> Как может помочь социология и другие социальные науки?

На самом деле вопрос нужно переформулировать: как социальная наука может остаться в стороне от этой миссии? Корень зла — не в законах физики, а в неустойчивых паттернах развития человечества, в созданных человеком институтах, человеческом поведении и ценностях. Иными словами, проблема находится вполне на территории социальных наук, и именно на территории социальных наук будут проходить главные баталии за новые формы развития.

«А как же науки естественные? Как же технология?» спросите вы. Действительно, эти области важны в нашем движении к снижению выбросов углерода, однако они далеко не исчерпывающи. Наука и технология представляют собой мощную, движущую силу эксплуатации ресурсов, консюмеризма и роста, потому что именно они, а не сохранение природы в первозданном виде, занимают фантазии множества людей и целых народов. Пока человечество мечтает о бесконечном росте и потреблении, даже «зеленые технологии» будут применяться для достижения этих целей, а это намного больше того, что может выдержать планета.

Но если у нас получится изменить сами мечты и ценности, а также поведение и институты, то мы сможем изменить и цели, для достижения которых используются инновационные технологии. А социальные науки не просто имеют отношение к таким трансформациям. Они играют поистине ключевую роль. Потенциальных сфер вмешательства социальных исследователей — безграничное количество. Назовем лишь три из них:

1. Наше понимание «развития» и «потребностей». лидирующее определение термина «устойчивое развитие», предложенное Брундтландской комиссией в 1987 году, не уточняет, что подразумевается под словами «развитие» и «потребности». Что мы имеем в виду, когда говорим о «развитии» — роскошный западный стиль жизни или счастливую жизнь с умеренным достатком? И вообще, в чем же «нуждаются» люди? Спяшему человеку нужен постоянный запас 100 ватт, а средний американец потребляет в 100 раз больше, швейцарцы же предлагают введение нормы в 2000 ватт. Что следует считать адекватным? Эти вопросы, несомненно, совсем непросты. Однако оставлять их без ответа значит демонстрировать полное безразличие ко всем издержкам развития, в том числе к умопомрачительным горам мусора на планете. Общими усилиями социологи, экономисты, историки, психологи и другие должны разработать более разумные представления о развитии и его границах .

2. Население: 9-10 миллиардов человек в 2050 году — эта формула слышна со всех сторон настолько часто, что мы, наверное, скоро поверим в ее неизбежность. Но численность населения не предначертана! Это не более, чем проект. Воспроизводство населения зависит от социальных норм, экономики, политических решений и так далее. Поводов для вмешательства социальных исследователей более, чем достаточно.

3. Глобальное сотрудничество: наши *национальные* системы управления оказались совершенно неэффективными для борьбы с изменениями климата, представляющими собой *глобальную* угрозу. Нам необходимо разработать новые глобальные институты. Социальным наукам необходимо инвестировать накопленные знания в институциональный дизайн!

Потенциал социологии и социальных наук по трансформации развития человечества поистине безграничен. Но если нам не удастся претворить этот потенциал в жизнь, он не будет иметь никакого значения. И лучше бы нам поторопиться. Ученые утверждают, что если в течение ближайшего десятилетия мы не откажемся от нынешней модели развития, возможно, будет слишком поздно. Что же тогда о нас скажут будущие поколения?

На встрече, проходившей два года назад, оказалось, что разногласий между нами фактически нет. Мы были едины в нашей надежде на то, что новая модель развития — справедливого, устойчивого и бережно относящегося к планете — все же будет разработана. ■

[1] Global Footprint Network: http://www.footprintnetwork.org/en/index.php/GFN/

[2] Inter-Academy Panel, Statement on Population and Consumption: http://www.interacademies.net/10878/19191.aspx

[3] The World Bank, Turn Down the Heat: http://climatechange.worldbank.org/sites/default/files/Turn_Down_the_heat_Why_a_4_degree_centrigrade_warmer_world_must_be_avoided.pdf

[4] Griggs D. et al., "Policy: Sustainable development goals for people and planet", Nature 495, pp. 305-307, 21 March 2013: http://www.nature.com/nature/journal/v495/n7441/full/495305a.html

> Изменение климата
Наша судьба в руках рынка

Герберт Досена, Университет Калифорнии, Беркли, США

Хотя спустя 20 лет после переговоров в ООН выбросы парниковых газов продолжают постоянно расти, мировые лидеры все более склонны доверить задачу спасения планеты от катастрофического 4-х градусного повышения температуры рыночным механизмам. Однако коалиция правительств и общественных движений пытаются противостоять этому. Герберт Досена докладывает о дебатах Конференции ООН по изменению климата, проходившей в Варшаве с 11 по 22 ноября 2013 года.

Демонстрация протеста на улицах Варшавы, Польша, во время Конференции ООН по изменению климата.

Второй год подряд в преддверии ежегодной конференции по изменению климата Филиппины оказываются под ударом супертайфуна. Для делегатов, собравшихся в Варшаве — впрочем, как и для тех, кто остался дома — это очередное доказательство не только того, что климатические изменения на самом деле происходят, но и того, что те, кто в наименьшей степени им способствуют, по иронии страдают от них больше всех остальных.

Более того, супертайфун Хайян — как и другие экстремальные погодные явления — в очередной раз подчеркнул вывод, высказанный многими в Варшаве, что переговоры в ООН, как выразился один делегат, «с треском провалились». Однако вместо изменения курса, они теперь пошли по опасному пути. Более склонные к единодушие, чем раньше, правительства развитых стран все больше склоняются к тому, чтобы дать рынку решить все проблемы самостоятельно. Но глобалисты, включающие правительства и социальные движения с разными целями и устремлениями, стараются противостоять таким тенденциям и по возможности направить ход переговоров в другое русло.

> Вопрос ответственности

Варшавская конференция — последняя из многочисленных встреч, которые правительства всего мира все чаще проводят, начиная с 1972 года, после того, как на встрече в Стокгольме обсуждался мировой экологический кризис.

>>

«Неформальное сборище» обсуждающих климатические изменения в поисках окончательного компромисса.

В 1992 году правительства подписали Конвенцию о необходимости «стабилизировать концентрацию парниковых газов, чтобы предотвратить опасное антропогенное влияние на климатическую систему».

Такая прямолинейная задача оказалась намного более затруднительной, чем предполагалось изначально, так как она подразумевает внесение многочисленных взаимосвязанных изменений в наш образ жизни — начиная с замены ламп до капитальной реконструкции национальной энергетической инфраструктуры и, как утверждают некоторые, вплоть до уничтожения капитализма как такового. И, как и все изменения, такие трансформации, несомненно, принесут пользу одним и нанесут вред другим.

И все же до недавнего времени существовал консенсус по поводу того, что делать дальше. По Конвенции 1992 года развитые страны обязаны взять в свои руки лидерство по снижению выбросов. Но так как даже эти усилия недостаточны, развивающимся странам также придется участвовать, а для того, чтобы это было возможным, этим странам совершенно необходимы ресурсы и технологии стран развитых. А так как они довольно уязвимы и располагают меньшими ресурсами для того, чтобы справиться с климатическими изменениями, им также потребуется помощь, чтобы адаптироваться и справиться с их последствиями.

Оказалось, что это сложнее, чем представлялось изначально, потому что под лежащей на поверхности базовой договоренностью скрывались конфликты между неравными участниками по поводу того, как должны распределяться затраты и выгоды, а также того, в понимании того, в чем заключается смысл человеческих действий и условия, на которых выстраиваются взаимоотношения. Короче говоря, разногласия вращались вокруг двух вопросов: во-первых, что собой представляют участники и, во-вторых, какого обращения они заслуживают в соответствии со своим статусом.

Боясь, что их заставляют брать на себя ответственность за проблему, которую они не создавали и от существования которой у них нет ни малейшей выгоды, развивающиеся страны настаивают на том, что богатые страны «морально обязаны» делать то, что от них требуют, так как они несут «историческую ответственность» за выброс большего объема газов в атмосферу, в процессе чего они, собственно, и смогли разбогатеть. Развитые страны необходимо именно принудить (а не просто поощрить или пригласить) к тому, чтобы поступать правильно.

Практически все представители развитых стран, у которых я взял интервью, реагировали на подобные

>>

заявления агрессивно, утверждая, что их нельзя наказывать за действия, последствия которых они не могли себе вообразить. И если им действительно нужно внести больший вклад в настоящее время, то только потому, что они более способны к лидерству и благотворительности, а вовсе не потому, что в чем-то виноваты. Они-де совсем не те, кого можно или нужно наказывать, их нужно только поощрять.

> Вопрос развития

Все усложняется еще больше, потому что на борьбу за моральный статус и определенное место в иерархии накладывается поиск ответов на вопрос о том, как лучше сохранить или даже восстановить рост (и вообще, стоит ли в принципе к такому стремиться) в контексте продолжительного экономического спада.

Отвечая на растущее беспокойство о состоянии окружающей среды и на поразительный рост массовых радикальных экологических движений (начиная с 70х), обвиняющих капитализм в создании проблем окружающей среды, чиновники и эксперты из стран Организации экономического сотрудничества и развития, ООН, Всемирный банк, активисты-экологи, а также корпорации, выдвинули концепцию «устойчивого развития», в соответствии с которой решение мирового экологического кризиса необязательно должно препятствовать накоплению богатства. На самом деле оно зависит от продолжения роста, и даже может ему поспособствовать.

По сей день эта формула воспринимается как данность и проект для многих правительств, международных организаций и гражданского общества. Все, что им требуется, утверждают они, — это улучшенный «глобальный экологический менеджмент», или просто повышенная регуляция природопользования. Но что именно под этим подразумевается — предмет споров и повод для скандалов.

На одном полюсе находятся США, предпочитающие неолиберальный подход. Согласно этой точке зрения, рассчитывать следует на рынок, а не на какую-то международную организацию. Именно рынок обязан регулировать наш доступ к природным ресурсам. Страны должны лишь на добровольной основе урезать свои выбросы парниковых газов. Никаких принудительных квот не должно быть в природе. Перспектива высоких доходов должна заставить капиталистов отказаться от «грязной» энергии в пользу «зеленой», а также инвестировать в «чистые» проекты за границей.

На другом полюсе — Евросоюз, настаивающий на модели социально-демократического регулирования: Государства, действующие заодно, должны принимать более активное участие в общем деле снижения выбросов, а также вкладывать средства в развитие экологически чистых технологий.

Среди капиталистов основной водораздел пролегает между теми, чье состояние напрямую связано с органическим топливом («серый капитализм»), и теми, кто скорее связан с «зеленым» капитализмом, то есть люди, не понаслышке знакомые с возобновляемыми источниками энергии, торговлей квотами на выбросы углерода, а также разнообразными возможностями получения прибыли, открывшимися благодаря изменениям климата. Первым больше по душе подход США, вторые становятся на защиту европейской точки зрения. Кому-то по душе элементы капитализмов обоих цветов и они не готовы полностью подписаться только под одной версией.

Блок развивающихся стран, включающий в себя более 130 государств, достаточно разнообразен по своему составу. Эти страны, однако, объединены идеей справедливого перераспределения, которая, по их мнению, должна являться центральным движущим механизмом поиска окончательного решения. Они также являются сторонниками карательного и штрафного регулирования (назначения сборов и штрафов), а также подчинения рынка мировому сообществу.

При этом между странами-участницами отсутствует консенсус по поводу более широких целей: многие подписываются под проектом «устойчивого развития», артикулируемого политиками и интеллигенцией Севера, в то время как другие стремятся к переопределению самого понятия, чтобы под ним начали подразумевать нечто большее, чем достижение устойчивого капиталистического развития через охрану природы.

> Провалившийся компромисс

В первые годы переговоров неолиберальный подход, предлагавшийся США, был достаточно быстро отклонен после сильного сопротивления, оказанного Евросоюзом и развивающимися странами. Далее в качестве предпочтительного решения рассматривалась форма компромисса, в рамках которой развитым странам выдавались определенные квоты, которые были ниже выбросов этих стран в 1990м году. Дополнительные квоты развитые страны могли приобрести на рынке квот на вредные выбросы.

Закрепленное в Киотском протоколе 1997 года, это решение изначально казалось приемлемым как США, так и Евросоюзу, потому что оно сочетало в себе рыночные механизмы (которые были по нраву неолибералам) и ограничения на выбросы (к введению которых так стремились остальные), а также потому, что оно «подтверждало» невиновность каждого — в отличие от системы наказаний за излишние выбросы, которую так желали ввести развивающиеся страны, рыночная регуляция не навешивает на них ярлык нарушителя, достойного наказания.

Развивающиеся страны, в целом выступающие против

>>

рыночных механизмов и недовольные недостаточной амбициозностью поставленных Киотским протоколом целей, все же согласились участвовать. Это решение объяснялось тем, что, во-первых, юридически обязательные ограничения все же были введены, во-вторых, они не касались развивающихся стран, в-третьих, благодаря рынку теперь эти страны могли рассчитывать на получение финансирования и техники. Однако, оказалось, что такое решение кажется чрезмерным тем представителям США, которых возмущали не столько ограничения, сколько тот факт, что они не касались развивающихся стран. Этот момент воспринимался не только как угроза конкурентоспособности США, более того — он противоречил моральной позиции страны, в соответствии с которой США виноваты ни чуть не больше остальных стран мира, а потому и обязанности у них всех не должны отличаться. В конце концов США отказались от участия (в то время как всех остальных протокол устраивал).

После более чем десяти лет после подписания, компромиссное решение не привело ни к каким масштабным изменениям. Некоторым участникам удалось снизить выбросы, но только потому, что экономический рост замедлился во время рецессии или потому, что им удавалось купить недорогие дополнительные квоты на уже трещащем по швам рынке квот на вредные выбросы. В целом, выбросы сегодня на 60-70% превышают уровень начала 90х. Развивающиеся страны не увидели ни значительных финансовых вложений, ни технической помощи.

За последние три года переговоры не сдвинулись с мертвой точки, но в Варшаве многие надеялись на то, что возможно самый мощный тайфун из известных сможет задать беседе новый тон. Делегат от Филиппин, на глазах которого были видны слезы, воскликнул: «Это безумие мы можем предотвратить здесь и сейчас!»

> Навстречу катастрофе

Но изменений не последовало. Более того, теперь и Евросоюз, как оказалось, выступает на стороне США, или, во всяком случае, не предлагает адекватной альтернативы, в отличие от 90х. Теперь и в ЕС поддерживает точку зрения о том, что следует положиться на рыночные механизмы для решения экологических проблем, при этом отказавшись от прямой регуляции со стороны какого-либо международного института.

Во время переговоров представители стран-участниц неоднократно настаивали на том, что снижение выбросов может быть достигнуто путем поощрения инвестирования в «зеленую» энергию через навешивание ценника на природу, расширение и слияние национальных и региональных рынков квот на выбросы, а также создание «положительной среды» с помощью либеральной политики инвестирования и субсидирования — действий, для которых требуется вмешательство государства.

Задача, как пояснил канадский делегат в Варшаве, состоит в том, чтобы правительства всех стран мира у себя дома дали четко понять, что «климатические изменения полезны бизнесу». А люди в бизнесе, действующие в соответствии с логикой «устойчивого развития» — это те люди, за которыми следует ухаживать, которых нужно упрашивать — а не заставлять и наказывать — ведь именно в их власти спасти нас от климатического кризиса. Управлять, опираясь на рыночные механизмы, значит передать будущее планеты в руки бизнеса.

Однако поворот к еще более неолиберальному решению, кажется, вызывает массу недовольства в оппозиции. Несмотря на растущее число разногласий внутри лагеря развивающихся стран, а также на растущее давление извне, большая часть оппозиционно настроенных государств согласились между собой на счет того, что именно государство, а не рынок, должно контролировать процесс понижения вредных выбросов, а также мобилизации ресурсов и технологий.

Как минимум часть этой бескомпромиссной позиции может быть объяснена растущим влиянием левых правительств в таких странах как Венесуэла, Боливия, Эквадор и ряд других в оппозиционном блоке. Хотя зачастую к ним не прислушиваются, участники переговоров из этих стран добились блокировки идеи развитых стран о взаимосвязанных рынках квот на выбросы. Они также находятся на передовых позициях борьбы за введение «нерыночных» механизмов снижения выбросов (например, введение ограничений на выбросы без возможности покупки дополнительных квот, что, наверное, является наиболее конкретной альтернативой рыночным механизмам из когда-либо озвученных.)

Гражданское общество», кажется, также вступило на путь поиска консенсуса. Около 800 НКО, профсоюзов и представителей общественных движений, как радикально, так и умеренно настроенных, покинули зал в знак протеста против направления, в котором начали двигаться переговоры. Кажется, все это несколько замедлило передачу судьбы планеты в руки бизнеса. Но если правительства развивающихся стран и социальные движения всего мира не смогут найти реальных рычагов воздействия на правительства развитых стран, если международное сообщество не сможет оказать влияния на тех, кто решает что, в каком количестве и с использованием каких энергоресурсов нужно производить (даже в развивающихся странах), мир продолжит движение в сторону будущего, в котором средняя температура на планете повысится на 4 градуса Цельсия. По сравнению с тем, что в этом новом мире ожидает нашу планету, тайфун Хайян покажется легким ветерком. Нечто еще более сильное, чем супертайфун, должно помочь нам избежать такого печального конца.

> Драма и разрушения китайской урбанизации

Фэйчжоу Чжоу, Пекинский университет, Китай

Крестьянин поливает свое поле. Его будущее — за его спиной, в квартирах новых городов Китая.

С древнейших времен Долина Чэнду представляла собой густонаселенную сельскохозяйственную местность. В 2007 году по решению правительства Чэнду получил статус «Пилотного региона по координации городского и сельского развития»; цель проекта заключается в преодолений социальных различий между городом и селом. С 2009 года реформы в Чэнду тщательно изучаются, а также копируются в других регионах страны. Важнейшая часть проекта заключается в том, чтобы способствовать переезду крестьян из традиционных, расположенных на большом расстоянии друг от друга деревенских общин в многоквартирные дома, построенные на государственные деньги. Каждый многоквартирный дом вмещает от 100 до 500 домохозяйств, что приблизительно соответствует численности населения 1-3х деревень. В новых домах доступны такие элементы современной инфраструктуры, как водопровод, электричество, газоснабжение, асфальтированные магистрали, уборка мусора, а также помещения для занятий спортом. Качество жизни в таких кварталах соответствует среднему качеству жизни небольшого города в сельской местности Китая. Программа переселения носит название «Строительство новой деревни» и «Баланс городского и сельского развития». Но в некоторых СМИ ее более известное название — «Исчезновение деревни».

В то же время сельское хозяйство Китая также претерпевает важные изменения. Деколлективизация, начатая в 1980е, включала в себя «выполнение домохозяйствами работ по государственному заказу» (baochan daohu), и равномерное распределение прав на землю (в плане пользования и в плане получения дохода) между крестьянами. В результате каждое домохозяйство получило несколько небольших участков земли, пригодных для сельскохозяйственной обработки, но один из участков всегда находился рядом с домом крестьянина. Переезд в квартиры значительно увеличил расстояние между местом жительства крестьянина и его землей. Многим пришлось пешком преодолевать это расстояние, что нередко занимало один-два часа, а иногда и больше. В таких условиях местное правительство пригласило строительные корпорации инвестировать в сельскую местность, сдавая им в наем крупные территории сельскохозяйственной земли для выращивания товарных культур с высокой добавленной стоимостью. В Чэнду стоимость аренды земли равна примерно 800-1000 юаням за одно Му, что эквивалентно цене продовольственных культур, производимых крестьянином за год. Таким образом, когда крестьяне переехали в новые многоквартирные дома, их земля попала в руки градостроительных корпораций. Традиционное сельское хозяйство превратилось в корпоративное.

Жизнь в квартирах поспособствовала значительным изменениям в производственной деятельности и стиле жизни крестьян. С одной стороны, так как у крестьян отсутствует пространство для выращивания овощей и фруктов, а также для разведения скота (свиней и кур), доход от аренды — все, что они получают, владея землей. С другой стороны, крестьянам теперь необходимо самостоятельно оплачивать коммунальные услуги, а также питание. Как показали опросы, проведенные в Чэнду, повседневные расходы крестьян, переехавших в квартиры, выросли в среднем на 30 процентов. Не только производственные отношения, но и деревенские социальные отношения, а также управление, претерпевают значительные изменения по мере трансформации паттернов расселения крестьян и слияния деревень. Долгосрочные последствия этих реформ до сих пор не ясны, но их можно рассматривать только в контексте стремительной урбанизации, происходящей в настоящее время в Китае.

>>

В китайской земельной системе сосуществуют два типа собственности на землю: коллективная собственность на сельскохозяйственные земли и государственная собственность на городскую землю. Если города нуждаются в сельской земле для градостроительства, в первую очередь им необходимо легальным образом перевести коллективное владение сельскохозяйственными землями в государственное. Этот процесс называется «реквизицией земли» (tudi zhengyong). Только местные власти имеют право осуществлять реквизицию и продавать землю.

Местные власти могут заработать крупные суммы, экспроприируя сельскохозяйственные земли и затем перепродавая их градостроительным компаниям. В 2013 году удалось таким образом заработать 4,12 миллиардов юаней, что составило более 59% прибыли местных властей. В то же время, местные власти имеют право распоряжаться большей часть налогов, которыми облагаются градостроители после налоговой реформы 1994 года. Эта реформа создала значительный стимул расширения градостроительных проектов для местных властей. Часть доходов от сбора налогов, вместе с доходами от продажи земли, составляет базу «местного фискального режима, основанного на продаже земли» (tudi caizheng).

Помимо использования негосударственного капитала для градостроительства и городского развития, местные власти должны также инвестировать в муниципальную инфраструктуру, что в действительности значительно превышает их финансовые возможности. Закон запрещает местным властям брать кредиты на градостроительство. Государственные структуры не могут ни напрямую взять кредит в финансовых учреждениях, ни служить гарантом кредитования. Однако на практике местные власти обычно используют государственные фискальные фонды в качестве зарегистрированного капитала для создания госкомпаний, такие как корпорации городского развития, муниципальные транспортные компании, службы водоснабжения, земельного фонда и т.д. Такие компании обычно управляются местным Административным комитетом государственного имущества, входящим в органы местного самоуправления. Главная функция компаний — получение в банке кредитов на градостроительство, для чего эти компании закладывают в банках землю, находящуюся в собственности местной власти, по стоимости, равной 70 процентам оценочной стоимости земли. Практически во всех провинциях и городах Китая действуют компании, известные как «местные финансовые платформы» (difang rongzi pingtai). Кредиты, взяты этими компаниями, используются для построения городской инфраструктуры и обеспечение общественных благ. Опрос, проведенный центральным правительством, показал, что на конец июня 2013 года у местных властей накопился долг в размере 17,9 триллионов юаней. Большая часть долга была напрямую связана с деятельностью финансовых платформ.

На основании вышеописанного анализа мы можем сказать, что за урбанизацией Китая стоят мощные земельные, фискальные и финансовые механизмы. Во-первых, местные власти могут приобрести государственную землю через конфискацию земли для градостроительства. Более того, они получают доступ к доходам от продажи земель. Во-вторых, благодаря функционированию финансовых платформ местные власти могут использовать землю для получения кредитов для градостроительства. Синергия земельных и финансовых механизмов создала быстро меняющиеся, успешные города, которые образуются благодаря механизмам, значительно отличающимся от традиционной урбанизации, основанной на концентрации в городах населения и промышленности.

Ключ к новым паттернам урбанизации — наличие достаточного количества земли, находящейся в собственности государства и подходящей для градостроительства. Однако, китайское правительство считает необходимым защищать пахотную землю, сохранять продовольственную безопасность и строго контролировать число пахотных земель, которое могут экспроприировать местные власти. Реформа в Чэнду возникла в результате действия двух противоборствующих сил. В ходе нее осуществляться жесткий контроль за экспроприацией земель, с одной стороны, и развивается сильнейший спрос на землю для поддержания урбанизации, с другой.

В сельских районах Китая земля, которую занимает дом, (zhaijidi) не считается пахотной землей. Из-за того, что традиционно в домах китайских крестьян расположен большой внутренний двор, участки земли, принадлежавшие крестьянам, достаточно велики. Одна из главных причин, по которой крестьяне в Чэнду были переселены в квартиры — необходимость в «производстве» земли для урбанизации. После переезда крестьян в многоквартирные дома освободившиеся участки земли после рекламации могут быть превращены в пахотные земли. Таким образом местные власти могут использовать «рост» площадей пахотных земель для получения земли, необходимой для расширения городов. Например, после того, как крестьяне переехали в квартиры, одна из деревень зарегистрировала их участки как пахотную землю. Затем города могут приобрести этот же объем пахотной земли для градостроительства. Таким образом, общая площадь пахотной земли остается неизменной.

Таким образом, в общем и целом, изменение в паттернах расселения крестьян — от жизни в разбросанных деревушках к жизни в тесно расположенных многоквартирных домах — представляет собой главный источник земли и капитала для урбанизации китайской сельской местности. Если бы китайские крестьяне не отказывались от своих участков, притока земли для урбанизации не было бы. Скорость урбанизации была бы намного ниже. На данный момент эксперимент Чэнду повторяется во многих регионах Китая, в результате чего происходит стремительный рост городов за счет сельской местности.■

> Захват земель и коррупция в Китае

Юнхун Чжан, Университет Сунь Ят-Сена, Гуандун, Китай

Сельские жители равешивают баннеры с лозунгами против местной коррупции в Шеньжене.

В ходе беспрецедентного процесса урбанизации в Китае, реквизиция коллективной земли для градостроительства наряду с управлением и распределением сельской коллективной собственности стали причиной многих противоречий и конфликтов. В начале 1990х урбанизация прибрежных районов на юго-востоке страны проходила намного быстрее, чем развитие других регионов страны. Под руководством правительства, деревни, расположенные вблизи городов, постепенно перевели коллективные земельные активы в акции и распределили их между крестьянами. Не внося изменений в систему коллективного владения землей, деревни создали «общинные акционерные корпорации». Крестьяне превратились в акционеров коллективных земельных активов и начали получать дивиденды.

Общинные акционерные корпорации представляли собой попытку местного правительства адаптировать сельское население к урбанизации без внесения радикальных изменений в существующую структуру власти, унаследованную со времени существования народной коммуны. Члены правления корпорации избирались акционерами, но исход голосования в значительной степени

>>

определялся местными властями и деревенскими кланами. В большинстве случаев секретарь деревенской партийной ячейки «естественным образом» становился председателем правления, монополизируя политическую, экономическую и социальную власть. Корпорация воспроизводила связь между местными властями и соседними деревнями, превратившись в руках правительства в инструмент, необходимый для решения проблем, возникающих в процессе урбанизации. Например, такие корпорации не только управляли коллективным землевладением, но и взяли на себя такие обязанности властей, как обеспечение деревенской инфраструктуры, общественный порядок и благополучие, а также защиту окружающей среды.

Хотя деревенский комитет и общинная корпорация формально являются низовыми автономными организациями, влияние, оказываемое местными властями и деревенскими кланами, перевешивает независимые демократические права жителей. В результате мы видим сговор председателя правления (одновременно секретаря деревенского парткома) и местных властей по поводу присвоении коллективных земельных участков и контроля коллективных активов.

В последние годы в связи с постоянным ростом цен на землю председатели правлений и секретари деревенских партийных организаций обогатились за счет продажи или сдачи в наем экспроприированной земли. В результате в деревнях прошла волна протестов. С весны 2012 года, после драматических событий в Вукане, почти в каждой деревне в районе муниципального правительства Гуанжу и Шенжен (провинция Гуандон) произошли конфликты, зачастую с применением насилия, вызванные спорами о правах на землю. В муниципалитете Гуанжу, например, после нескольких лет противостояния, жители деревни наконец выиграли дело против лидеров акционерной корпорации, и новоизбранные члены правления подписали новый договор аренды коллективной собственности, выиграв тем самым 100 миллионов юаней (16 миллионов долларов).

В отличие от трудовых споров, борьба с экспроприацией земли и коррупцией предполагает защиту личных экономических интересов жителей деревни, а также представляет собой серьезный вызов легитимности местных властей. Благодаря запутанным традиционным паттернам семейных и общинных связей и многопоколенному проживанию в деревнях, борьба за землю может растянуться на долгий период и стать серьезной угрозой социальной стабильности режима. Более того, без усмирения деревенских протестов перераспределение земли и урбанизация будут полностью блокированы. Таким образом, местные власти начали предпринимать серьезные меры по расследованию и наказанию случаев коррупции. Так, в муниципалитете Гуанжу почти четверть деревенских партийных кадров были наказаны за нелегальную деятельность.

В китайской авторитарной системе процедурные игры (например, выборы или судебные процессы) представляют собой эффективный метод усмирения протестных настроений. Осведомленные о том, как власти провинции разобрались с протестами в Вукане, в местах, где деревенская оппозиция сильна и присутствует достаточно свидетельств коррупции, местные власти ответили на конфликты, вызванные захватом земель, проведением расследований деятельности местных лидеров и организацией новых выборов. В то же время во многих деревнях выборы не помогают защитить права собственности жителей. Вместо этого они превращаются в инструмент в руках лидеров сообществ и общинных корпораций, вооружившись которым те злоупотребляют властью и извлекают личную выгоду. Поэтому деревенские жители не слишком высокого мнения о выборах. Они не считают, что выборы — это неотъемлемое право гражданина. Для них это скорее инструмент по защите собственных интересов. Как они сказали во время нашей полевой работы, любой человек, выигравший выборы, воспользуется этим для личной наживы.

Существующая система деревенского управления, основанная на коллективном владении землей, разрушает деревенскую автономию. По мере углубления урбанизации правительство должно быть подотчетно гражданам, а также гарантировать сельским жителям тех гражданских прав, которыми обладают горожане. На данный момент мы видим, что взаимодействия между государством и жителями деревень все еще находятся на стадии формирования, и обе стороны изучают разнообразные модели местного управления. Однако, невзирая на всяческие эксперименты, без трансформации нынешней системы владения земельной собственностью, жители деревни вне сомнения потерпят потери в результате процесса урбанизации. ■

> Каналы протеста: случай дамбы «Три ущелья» в Китае

Ин Син, Китайский университет политических наук и права, Пекин, Китай

Протестующий из округа Юньян рассказывает об истории движения, возглавленного Хэ Кэчаном.

В современном китайском обществе при возникновении конфликта между чиновниками и рядовыми гражданами последние пытаются добиться своих целей четырьмя способами: через подачу групповых исков, подписание коллективных петиций, сопротивление на местах, а также коллективный протест. Наиболее часто встречается комбинация подписания петиций и сопротивления на местах. Я проанализирую правовые действия граждан, вытесненных со своих земель во время строительства дамбы «Три ущелья» в первом групповом иске, известном как «Дело Хэ Кэчана».

В результате строительства водохранилища «Три ущелья» были переселены 846 200 человек, из них 361

>>

500 проживали в сельской местности. Крестьяне из округа Юньян (муниципалитет Чунцин) начали процесс подписания петиций в 1997 году. Петиция Хэ Кэчана, представителя истцов, прошла через 4 стадии.

От десяти тысяч подписей к групповой петиции: октябрь 1997- март 2000. В июле 1997 года окружные власти начали экспериментальный проект по переселению жителей затопляемых областей. Когда местные власти объявили о низких компенсациях для переселенцев, последние начали массово выражать недовольство. Крестьяне начали писать письма напрямую в центральное правительство.

Петиция, подписанная десятью тысячами граждан, заставила чиновников и руководство из центра и региона направить в округ Юньян комиссию для проведения проверки. Комиссия, однако, пришла к выводу, что компенсация не была недостаточной, что представители переселенцев ошиблись в своих расчетах. Более того, подписавших петицию жителей округа отчитали за то, что они направили свои требования в вышестоящие органы власти, минуя главу местной администрации. Хэ Кэчан и другие представители недовольных были настолько разочарованы таким исходом, что в период с 1998 по 2000 год написали еще несколько гневных писем в Пекин, дважды съездили в столицу и несколько раз в Чунсинь. Однако все письма остались без ответа...

Групповая петиция и эскалация локальной мобилизации: с марта 2000 по март 2001 г. В мае 1999 года Государственный Совет принял решение о внесении изменений в программу переселения. В отличие от изначального плана, в соответствии с которым крестьяне должны были переехать в соседние районы, новые правила предписывали предоставлять им жилье в отдаленных районах страны. Такое решение вызвало новую волну протеста. Во главе с Хэ Кэчаном жители затапливаемых районов решили сочетать несколько стратегий. Среди них: индивидуальный протест, конфликт с местными функционерами, развитие организации, детальное ознакомление с законодательством и распространение информации о переселении; повышение интенсивности петиций, отсылка большего числа писем и визиты в Пекин; общение с иностранными СМИ.

Тюремное заключение: с марта 2001 по март 2004. I В марте 2001 года Хэ Кэчан с двумя представителями переселенцев в очередной раз отправились в Пекин для подачи петиции, но были арестованы местными властями провинции Чунсинь. Позднее Народный суд округа Юньян заявил, что Организация по расследованию программы переселения препятствовала действиям властей. Хэ Кэчан был приговорен к трем годам заключения, а двое его коллег — к двум годам тюрьмы за призывы к беспорядкам. Инициаторы петиций, связанных со со строительством дамбы, впервые были приговорены к тюремному сроку. Судьба крестьян Юньяна превратилась в вопрос международного значения.

Нескончаемый бой: с марта 2004 года по настоящий момент. 11 марта 2004 года Хе Кечанг вышел на волю, отсидев назначенный ему срок. Хотя в тюрьме ему пришлось пройти через интенсивные пытки (у него были сломаны ноги, а руки деформировались), а его имущество конфисковали в августе 2002 года, его желание бороться не угасло. После выхода на волю он отказался сотрудничать с местными властями и продолжил собирать информацию о переселенцах. Он вступил на путь непрекращающейся борьбы.

На примере дела Хе Кечанга мы видим определенный прагматизм в выборе протестной стратегии, переключение между судебными и внесудебными мерами и одновременное использование разных методов борьбы. С точки зрения переселенцев разделение между верховенством закона и верховенством отдельного лидера не имеет особого значения. Важно лишь, насколько продуктивна стратегия разрешения определенного конфликта. Граждане обращаются в суд не потому, что верят в юридическую справедливость, и подписывают петиции не потому, что верят в честность и снисходительность высших должностных лиц. Они прибегают ко всем доступным методам для достижения цели — так же, как это делают представители власти для достижения своих политических целей.■

> Ян Щепаньский
и наведение шатких мостов

Адам Мюллер, Камиль Липиньский, Миколай Мержеевский, Кшиштоф Губаньский, Каролина Миколаевска, Лаборатория публичной социологии, Варшавский университет

Ян Щепаньский (1913-2004)) — польский социолог, Президент МСА с 1966 по 1970 г. Является первым представителем Восточного блока, занявшим эту позицию. Его работы публиковались во многих польских изданиях. Его газетные колонки высоко оценились и широко обсуждались. Он был небезразличен к общественным вопросам и активно участвовал в политической жизни. С 1957 по 1961 гг., а также с 1972 по 1985 гг. он являлся членом Парламента Польской Народной Республики, а с 1977 по 1982гг. — членом Государственного совета. Будучи президентом МСА в конце 1960х, он столкнулся с двумя основными проблемами. Во-первых, перед ним стояла задача наладить диалог между Западом и Востоком, а также с Глобальным Югом (в результате чего был организован Конгресс МСА в Восточной Европе, а именно в Варне в Болгарии). Во-вторых, как Щепаньский писал в своем дневнике, деятельность президента значительно усложнялась большим объемом бумажной работы, сопровождавшей принятие элементарнейших организационных решений.

Ян Щепаньский на приеме.

Специфика политической ситуации в Польше в коммунистическую эру, как было отмечено социологом Виницусом Нароеком, состояла в недостатке государственной легитимности. С одной стороны, большинство полагало, что коммунистический режим (особенно на первых порах) насаждается Советским Союзом и, следовательно, противоречит традиционным национальным ценностям. С другой стороны, представители властей часто воспринимались как «неизбежное зло», с которым можно было мириться лишь до тех пор, пока ему удавалось в какой-то степени дистанцироваться от СССР. Одной

>>

из опор легитимности стали способность и готовность власть имущих обходить внедрение ортодоксальной советской доктрины. «Народная демократия», особенно в кризисные времена (1956, 1970, 1980) была одновременно сильной и слабой, контролирующей и манящей.

Отношение польской интеллигенции к происходящему было крайне неоднородным: от тотального неприятия до энтузиазма и готовности работать на благо системы. Многие люди становились на непростые и неудобные центристские позиции. И вот здесь мы сталкиваемся с фигурой Яна Щепаньского, который после 1956 года участвовал в создании новой политической платформы Компартии, оставаясь при этом критически настроенным по отношению ко многим негативным аспектам коммунистической системы. Благодаря стараниям таких людей по наведению шатких мостов между абсолютистской властью и интеллектуальными элитами, польская интеллигенция обладала относительной автономией. Получив определенную свободу действий, интеллигенция смогла сыграть значительную роль в создании таких в будущем оппозиционных структур как движение «Солидарность». В большинстве стран советского блока факультеты социологии отсутствовали в университетах как таковые из-за того, что институтам марксизма-ленинизма предоставлялась монополия на интерпретацию социальной реальности. В этом отношении возрождение социальных наук в Польше после смерти Сталина было необычным для Восточного блока. Польская социология дала миру таких мыслителей как Ян Щепаньский, Мария Оссовская и Станислав Оссовский, Зигмунт Бауман, Мария Хиршович и Стефан Новак. Все они хорошо известны далеко за пределами Польши.

Уникальное положение, которого Щепаньскому удалось достичь в таких непростых обстоятельствах — это положение независимого социолога, снабжающее авторитарное правительство советами в вопросах образования и социальной политики. В этот тяжелый период он серьезно занимался публичной социологией. Он воспринимал себя не как отвлеченного академика, а как исследователя, в высшей степени заинтересованного в решении актуальных социальных проблем и предлагающего разнообразные способы их решения. Благодаря своему политическому влиянию, Щепаньский добился того, что многие польские ученым получили возможность путешествовать за границу. Он также боролся за предоставление права издательской деятельности государственным научным учреждениям, чтобы социологи и другие ученые могли публиковать свои труды. В какой-то момент он даже участвовал в протестах, что было крайне редким в эпоху сталинизма и требовало огромного мужества. Например, в 1954 году он стал одним из 34 ученых, подписавших петицию, протестующую против цензуры, хотя, после первых арестов, он отказался от своих слов.

Он был активно читаемым журналистом и колумнистом. Его политическая позиция позволяла ему в ограниченной степени критиковать власти. Публика, к которой он обращался в своих популярных работах, подарила ему власть над умами и установками целого поколения поляков. Он ввел в публичный дискурс некоторые базовые социологические концепции, создав пространство, пусть и миниатюрное, для публичных дебатов в тот момент, когда свобода слова не сулила ничего хорошего. Однако, последствием такой профессиональной деятельности стало то, что сейчас, через десять лет после своей смерти, Щепаньский практически предан забвению в Польше. Несмотря на сотни публикаций, посвященным актуальным для своего времени проблемам, он не оставил за собой какой-либо теории и не создал впечатляющей научной школы. В столетнюю годовщину со дня его рождения Польская академия наук и Польская социологическая ассоциация организовали серию событий и конференций. Однако имя Щепаньского не было известно современным студентам-социологам.

Жизнь Яна Щепаньского состояла в постоянной борьбе за улучшение жизни людей — она была попыткой претворить в жизнь обещания «социализма с человеческим лицом». Его опыт доказал, что даже в крайне недемократической системе можно найти место для публичной социологии. Но эта возможность была получена ценой участия в придворных играх и сделок с совестью. ■

> Неолиберальный захват польских вузов

Дариуш Емельняк и **Каролина Миколаевска,** Университет им. Козьминского, Варшава, Польша

Студенты и преподаватели на собрании "Нового открытия университета" (НОУ), польской некоммерческой организации, основанной аспирантами с целью проведения исследований положения польской науки. Фото предоставлено НОУ.

«Глобальный диалог» не впервые обсуждает польскую академическую жизнь. В выпуске 2.4 сотрудники Лаборатории публичной социологии обсуждали проведение неолиберальных реформ в польских университетах[1]. За последние семь лет польская система высшего образования претерпела значительные изменения, продвигая идеологию ориентации на мировые стандарты. Хотя эта цель представляется благородной, и в целом ее поддерживает значительное число поляков, реальные последствия преобразований далеко неоднозначны. Ориентация на мировые стандарты принесла множество негативных последствий вместо того, чтобы улучшить ситуацию.

Чтобы понять, насколько плачевно состояние польской науки, нам необходимо обратиться к некоторым ключевым элементам структурной трансформации, которые кажутся нам особо проблематичными. Это особенно важно сделать сейчас, когда новым министром высшего образования стала Лена Коларска-Бобиньска, профессор социологии и бывший депутат Европарламента, которая настаивает на продолжении политики своего предшественника.

На финансирование науки в Польше идут суммы, не превышающие 0,4% ВВП. В этом плане страна находится в нижних строчках европейских рейтингов. Мы также должны отметить, что, несмотря на то, что поляки получили доступ к исследовательским грантам и фондам Евросоюза, они крайне редко подают заявки и еще реже выигрывают соответствующие конкурсы. Недавние изменения означают, что все большие объемы общественных ресурсов выделяются грантовым агентствам, таким как Национальный научный центр, а не посылаются напрямую в академические институты. Однако, на уровне страны грантовая система — на бумаге пропагандирующая принципы меритократии и профессионализма — лишь углубляет региональное неравенство. Подавляющее большинство грантов достается жителям столичного региона.

Это неравенство усиливается организацией конкурсов на финансирование обучения на программах аспирантского уровня (PhD). 20% от оценки успешности исследовательского проекта зависит от успехов научного руководителя, что дает колоссальные преференции тем аспирантам, которыми руководят известные преподаватели. Конкуренция за доступ к ограниченным ресурсам усугубляется тем, что за последние двадцать лет число аспи-

>>

рантов увеличилось в 15 раз, а число защитивших диссертацию лишь вдвое больше[2]. Так происходит потому, что лишь небольшой процент аспирантов получает гранты на обучение, а оплачиваемые позиции ассистента преподавателя были упразднены в большинстве университетов. Аспиранты превращаются в новый прекарный класс «ученых одноразового использования»[3].

Динамика этого процесса во многом объясняется демографическими изменениями, происходящими в Польше и оказывающими значительное влияние на структурные условия в академии. Доля выпускников школ, решивших продолжить образование в вузаах, выросла с 9,8% (на пороге постсоциалистического транзита) до почти 50%, что является одним из самых высоких показателей в мире. В то же время государственное финансирование научных учреждений зависит от числа студентов, а непосредственно на исследования средств выделяется немного (гранты, ограниченные по времени и не предполагающие возможности постоянного трудоустройства). Теперь, когда Польша находится в ситуации демографического кризиса и число студентов падает, университеты начали испытывать серьезные проблемы с финансированием . Особенно тяжело приходится тем факультетам, которые не очень успешны в привлечении абитуриентов. Недавнее решение о закрытии философской программы в Белостоке на северо-востоке Польши и открытие факультета когнитивных исследований, который, возможно, привлечет больше студентов — привлекло всеобщее внимание. По всей Польше студенты программ по философии (а также других гуманитарных факультетов), финансируемые государством, сталкиваются с проблемами, связанными с введением платы за обучение по второй дополнительной программе (second major). Обычно гуманитарные дисциплины изучаются именно в качестве второго направления, что теперь превратилось в роскошь, от которой студентам придется отказаться.

В то же время официальная мантра о «стремлении к высшему качеству исследований» с трудом выдерживает критику. Например, министр науки ввел метод оценки качества научной работы, опираясь на домашнюю версию сомнительного рейтинга цитирования журнальных статей «Journal Citation Report» (JCR) медиакомпании Thomson Reuters. Даже если рейтинг JCR и адекватен сам по себе, его использование в Польше искажает реальность и не позволяет реалистично оценить академические достижения: журналы, публикации в которых учитываются в национальном рейтинге, но не входят в JCR, избираются на основании непрозрачной процедуры, многие качественные издания в принципе опускаются. Более того, попытки охватить в одном рейтинге журналы с такой разнообразной тематикой как биология, социология, юриспруденция и медицина, совершенно непродуктивны. Публикации в изданиях, который не входят в национальный рейтинговый список, рассматриваются как не соответствующие стандартам. При этом монографии, напечатанные в Оксфорде, оцениваются так же, как и публикации в каком-нибудь бульварном издательстве, если они являются англоязычными. Последствия такой политики тем более разрушительны, чем меньше внимания им уделяется.

Мотивация многих реформ, в том числе вышеописанной связана с желанием властей контролировать науку, а не повышать ее качество. Например, все преподаватели в вузах обязаны предоставить учебный план по каждому курсу, который затем подлежит оценке в рамках национальной системы измерения качества преподавания. Значительное расширение бюрократии нацелено на сбор как можно более полной информации о деятельности преподавательского состава, а не на контроль качества преподавания.

Неолиберальный дискурс о качестве в академии выливается в восхваление прикладных исследований и принижение областей, не приносящих немедленных дивидендов (в том числе философии и социологии). Но даже концепция качества не до конца однозначна. Например, негосударственное университеты в Польше, основанные после 1989 года являющиеся некоммерческими организациями, не могут получить государственное финансирование для преподавания, даже если качество исследований, проводимых ими, выше, чем в государственных вузах. Это очередное доказательство того, что реформы нацелены не на улучшение качества высшего образования, а на лишение представителей науки какой-либо власти и независимости.

Ситуация в польской академии печальна, но не уникальна: университеты по всему миру сталкиваются с аналогичными вызовами и затруднениями. Если академическое сообщество в целом — и конкретно сообщество социальных исследователей — не сформулирует четкие, конструктивные предложения по альтернативным способам организации высшего образования, отвечая на запросы реформаторов, но и избегая катастрофических последствий текущих изменений, ситуация может только усугубиться. А быть может, время для решительных действий уже ушло. ■

[1] Mierzejewski M., Mikołajewska K., Rozenbaum J., “One or Many Sociologies? A Polish Dialogue,” *Global Dialogue* 2:4, May 2012.

[2] Michalak D., “Studia doktoranckie w Polsce — łatwo zacząć, trudniej skończyć,” March 2013: http://noweotwarcie.wordpress.com/2013/03/11/studia-doktoranckie-w-polsce-latwo-zaczac-trudniej-skonczyc/

[3] Editorial: “The disposable academic,” *The Economist*, 2010, retrieved from http://www.economist.com/node/17723223

> Открытое письмо о реформе образования

Представлено на съезде Польской социологической ассоциации. Подписано Лабораторией публичной социологии, Варшавским университетом и секцией критической социологии Ягеллонского университета (Краков, Польша)

В сентябре 2013 годы 15 Конгресс Польской социологической ассоциации состоялсяв Шецине. После серии студенческих дискуссий Лаборатория публичной социологии выпустила открытое письмо, посвященное изменениям, коснувшимся высшего образования. Оно было прочитано в Конгрессе и получило массу отзывов от преподавателей. В январе 2014 года в Варшаве прошла конференция «Социология и социологи в современной Польше». На нее был приглашен лишь один представитель студенчества. Мы приводим здесь текст письма, повествующего о проблемах студентов и потенциальных путях выхода из кризиса университета. Письмо было сосťавлено Кшиштофом Губаньским.

Польские студенты на Конгрессе молодых социологов в Кракове обсуждают дилеммы реформы образования.

Дамы и господа,
Уважаемые ученые!

Мы группа студентов, которых волнуют вопросы, имеющие отношение к состоянию академии. Мы не претендуем на то, чтобы считаться рупором студентов-социологов. Однако как представители студенческих организаций Варшавского университета и Ягеллонского университета в Кракове мы хотели бы рассказать вам об оживленных дискуссиях, касающихся последних изменений в академии и таким образом показать, что студенты не апатичны, как бы нас в этом ни обвиняли. Мы организовали серию встреч и семинаров, посвященных этим вопросам. Семинары привлекли огромное количество людей[1], что доказывает, что у студентов есть свой голос. Они могут высказаться и сами, обойдясь без сторонних представителей.

>>

Мы с тревогой замечаем, что публичная дискуссия о реформе высшего образования игнорирует голоса ученых. Министерство науки и высшего образования действует как арбитр и отказывает ученым в праве голоса, считая их консервативной оппозицией прогрессивным изменениям и модернизации науки. Более того, противостояние этим реформам воспринимается как защита привилегий, порожденных патологиями ненормальной системы (именно так изображается современная академия). В то же время спонсоры реформы легитимируют ее, утверждая, что она защищает интересы студентов, освобождая их от косной системы образования. Но интересы студентов останутся абстрактным и оторванным от реальности понятием до тех пор, пока их настоящий голос не будет услышан и признан существенным. Студенческие организации, способные выйти за пределы приверженности исключительно научной работе и желающие обсудить ход реформ в лучшем случае игнорируются, в худшем — обвиняются в предвзятости и неспособности четко сформулировать свои требования.

Обсуждение реформы фокусируется на (якобы) непримиримом противостоянии «рынка и академии» — которое заставляет ученых сопротивляться в основном двумя способами. Первая стратегия заключается в защите учеными своей позиции при помощи аргументов, поддерживающих рыночный порядок, что означает также поддержку определения ситуации, предлагаемого Министерством образования и формируемого Новым госуправлением и неолиберальными идеологиями. Вторая стратегия заключается в защите консервативной позиции, которая опирается на представление об идеализированном сообществе ученых и ассоциируется с элитизмом и институциональной автономией. Но что в данном случае понимается под автономией? Имеется в виду автономия от рынка и государства, однако такая автономия нереалистична. Подобные консервативные аргументы лишь льют воду на мельницу министерского дискурса, навешивающего на ученых ярлык феодальных диктаторов.

Вместо претенциозных обвинений и попыток защититься от этих обвинений ответными выпадами, мы предлагаем начать конструктивный публичный диалог о характеристиках и потребностях современного университета. Мы бы хотели, чтобы преподаватели начали воспринимать студентов как звено, через которое социологическое знание передается из научного сообщества в широкие массы. В противовес предлагаемой государством новой логике, маркирующей вузовское обучение как процесс предоставления услуг, мы утверждаем, что ученые все же обладают значительной властью и должны определять правила профессиональной социализации. Мы бы хотели, чтобы преподаватели в процессе чтения лекций указывали на многообразие областей применения социологического знания, а не только на конвенциональные. В качестве примера может послужить развитие коллективного производства знания через общую борьбу за равноправное участие в дискуссиях о высшем образовании в Польше и в Европе.

Мы считаем, что бакалавры и магистранты — которые, как утверждается, являются главными бенефициарами проводимых реформ — способны бросить вызов оппортунистической интерпретации протеста против реформ как «реакционной конвульсии феодального университета». Этот потенциал, однако, по сей день не был реализован, несмотря на наши попытки расширить студенческое участие. Такая ситуация частично объясняется тем, что студенты не обладают достаточным знанием о реформах (что мы пытаемся исправить), а также тем, что преподаватели, с которыми они общаются ежедневно, практически не оказывают им помощи в этом начинании. То, что публичный дебат о реформе передается в руки внешних экспертов, означает лишь то, что страдают интересы как исследователей, так и студентов. Когда ученые теряют контроль над правилами функционирования университетов, студенты перестают воспринимать себя как потенциальных агентов социальных изменений и впадают в апатию.

Вместо нынешней атомизации академической среды, подпитывающей гегемонную позицию Министерства, мы призываем к созданию альянса преподавателей и студентов. Мы верим в то, что Польская социологическая ассоциация может оказать серьезную поддержку в задаче привлечения студентов к решению подобных вопросов. Это письмо — приглашение к диалогу, прелюдия к будущему сотрудничеству и совместным действиям. Таким образом, мы обращаемся к нашим наставникам с просьбой признать нашу способность к участию в достижении общих целей. ■

[1] К примеру, Третий конгресс молодых социологов "Социология в будущем — дискуссия студентов, которым не все равно" (Краков, июнь 2012); Четвертый конгресс молодых социологов, "Дилеммы студенческого сообщества перед лицом реформы высшего образования — сопротивление илиадаптация" (Краков, июнь 2013); Летний критический марафон «Роль студентов в системе образования» (Рабка, июнь 2013).

> Турецкая команда «Глобального диалога»

«Глобальный диалог» переводится на турецкий язык с номера 2.4. Сначала нам было непросто найти и организовать людей, которые были бы готовы принять участие в таком приключении. Но теперь состав редакции более-менее устоялся. Мы живем и работаем в разных городах Турции. Несмотря на значительные расстояния, разделяющие нас, нам удается поддерживать связь благодаря Интернету и электронным средствам связи.
Вот краткая история турецкой команды «Глобального диалога». Теперь расскажем подробнее о каждой участнице.

Д-р Айтюль Касаполу — профессор Факультета социологии Университета Анкары, ее исследовательские интересы лежат в сфере социологии катастроф, социологии здоровья и болезни, методологии социальных исследований, а также исследований социальных проблем.

Д-р Нилай Чабук Кайя — профессор факультета социологии Университета Анкары. В центре ее интересов социология гендера и социология развития.

Д-р Гюннур Эртонг, получила степень бакалавра Университета Билькент в 2003 году, а также степень магистра Университета Анкары в 2005 году — обе степени в области экономики. В 2011 году получила степень PhD по социологии в Университете Анкары, защитив диссертацию «Доверие системе здравоохранения и отношения пациента и врача». Доктор Эртонг работала в Министерстве здравоохранения Турции с 2007 по 2012 год. В настоящее время работает в подразделении Социальной статистики, исследований и развития Научно-технологического исследовательского совета Турции. Ее основные исследовательские интересы включают доверие системе здравоохранения, насилие над работниками системы здравоохранения, и, в последнее время, риски, с которыми сталкиваются дети.

Д-р Зухаль Йонджа Одабаш окончила Университет Анкары в 2000 году, после чего получила степень магистра социологии в Ближневосточном техническом университете. В 2009 году получила степень PhD по социологии Университета Анкары, защитив диссертацию «Управление стихийными бедствиями и гендер». В настоящее время занимает должность адъюнкт-профессора на факультете социологии в Университете Ататюрка. Ее исследовательские интересы включают вопросы социологии здоровья и болезни, социологии катастроф, а также изучение гендерных отношений.

Гизем Гюнер окончила факультет экономики Университета Хаджеттепе в Анкаре в 2013 году. Она планирует поступить в магистратуру по социологии и интересуется вопросами насилия и его пересечения с классом и этничностью. Она присоединилась к нашей команде в январе 2013 года и в настоящее время работает внутренним аудитором в частной фирме.

Зейнеп Байкаль окончила факультет политологии Университета Бильги в Стамбуле. Она получила степень магистра на факультете социологии Ближневосточного технического университета. Ее диссертация, «Конструирование армянской идентичности в Турции: случай Ешилкёя» в 2013 году была удостоена награды Турецкой ассоциации социальных наук. На данный момент Зейнеп — аспирантка-социолог в Ближневосточном техническом университете. Она изучает вопросы этничности, идентичности, культуральных исследований и социологии искусства. Ее также интересует театральная критика и драматургия, и она продолжает посещать курсы на факультете Театральной критики и драматургии Стамбульского университета. Зейнеп участвует в создании турецкой версии Глобального диалога с октября 2012 года.